

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern . . . 70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 12-13 (392-3)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, г. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

5 Июля 1937 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

В защиту испанской революции. Резолюция совместного заседания РСИ и МФПС.

Передовая: К развязке...

П. Гарви. Испанская трагедия.

А. Югов. Вредительская чистка.

С. Шварц. Кризис охраны труда.

Ф. Дан. «Блюм к власти!»

Партийная трибуна: В. И. К вопросу о войне и социализме. С послесловием Ф. Д.

Фельетон: В. Александрова.

В Рабочем Социалистическом Интернационале: Социалистический Интернационал и Испания. — Исполком РСИ. — Ответ т. Де-Брукэра Димитрову.

По России: Процесс Бухарина и Рыкова. — Роль Радека. — Слухи о Гамарнике.

Из партий: К смерти тт. Д. Полякова и Макса Адлера.

От редакции.

Почтовый ящик.

«Диктатура лжи».

В защиту испанской революции

Резолюция совместного заседания Р.С.И. и М.Ф.П.С.

«Принимая во внимание чрезвычайно серьезное положение, создавшееся благодаря отказу Германии и Италии от участия в международном контроле, — отказу, выявившему опасные намерения нападавшего на Испанию международного фашизма, — совместное заседание Бюро РСИ и МФПС заявляют, что безоговорочно принимает следующие предложения, внесенные представителями Испанской Социалистической Партии и Испанского Генерального Союза Труда (УХТ):

Моральная солидарность с республиканской Испанией, засвидетельствованная неоднократно организациями и руководителями обоих Интернационалов, равно как и резолюции совещаний в Лондоне (19 марта 1937 г.) и в Женеве (17 июня 1937 г.), констатирующие провал системы контроля, заставляют принять следующие шаги:

1) без замедления и всеми средствами оказать давле-

ние на все правительства, примыкающие к Лиге Наций, для того, чтобы они в согласии с пактом Лиги Наций помогли испанскому правительству восстановить свою политическую и территориальную независимость;

2) добиться возврата к системе свободы торговли для того, чтобы испанское правительство, законность которого стоит вне всякого сомнения, могло приобрести оружие, необходимое ему для защиты своей территории и своих законных прав;

3) распространить безоговорочное обязательство солидарности с делом испанской республики на все ответственные организации и на всех товарищей, примыкающих к обоим Интернационалам.

Оба Интернационала призывают все примыкающие к ним секции к самому энергичному выполнению указанных директив.»

К РАЗВЯЗКЕ...

События в Советском Союзе развиваются с такою головокружительною быстротою, что двухнедельному органу, как наш, выходящему за границу, становится совершенно не под силу хотя бы кратко регистрировать бесконечную вереницу смещений с постов, арестов, убийств и самоубийств, с все возрастающим ускорением ознаменовывающую ту полосу острого политического кризиса, в которую, теперь уже явно для всех, вступила сталинская диктатура и вместе с нею российская революция: и ежедневная печать не справляется уже с этой задачей.

А ведь лишь ничтожная часть того, что творится сейчас в сталинской сатрапии, становится известной: советская печать публикует лишь то и так, что и как приказывают ей сверху; иностранные корреспонденты, парализованные опасением высылки, крайне скупы на сообщения, да и плохо осведомлены, ибо страх сковывает уста их осведомителей; «вольная» информация, обходящая советские рогатки, крайне затруднена, помимо того же иссякания источников осведомления, и чисто технически вследствие разгрома налаженных связей и путей; она лишь крайне неполно и с большим запозданием может собирать и передавать те «слухи», которые в Советском Союзе, как и везде, где истине закрыта дорога гласности, несмотря на все промахи и искажения, в общем верно отражают, а часто и опережают действительный ход событий. Лишь десятки громких имен попадают все же на газетные столбцы. Но за этими гибнущими на глазах у всего мира «героями» стоят тысячи безвестных фигур, перемалываемых жерновами вновь возродившегося безудержного террора, десятки и сотни тысяч искалеченных жизней, разбитых существований. Целый общественный слой перевернут до дна террористическим шквалом, внезапно налетевшим на него как раз тогда, когда он готовился уже вкусить от «веселой и зажиточной жизни» и успокоиться в цветущих садах «самой совершенной демократии в мире». А известными становятся пока лишь отдельные клочки, лишь кусочки «переднего плана» кошмарной картины...

При таких условиях было бы совершенно тщетно стараться «понять» во всей конкретности тот гигантский клубок групповых, кружковых и личных комбинаций и взаимоотношений, притяжений и отталкиваний, схождения и расхождений, симпатий и антипатий, сотрудничества и соперничества, интриг, ненависти и злобной мстительности, в сплетениях которого огромную роль играют, конечно, и личные свойства азиатски грубого, умственно ограниченного и садистски жестокого диктатора, иронической волей революционной истории поставленного в неограниченные властелины шестой части земного шара и возведенного в ранг «величайшего гения» всех времен и народов. Этот клубок, имеющий решающее значение для судеб отдельных лиц, кружков и групп, распутают когда-нибудь до конца мемуаристы и историки, нам доступны лишь ничтожные дольки его. Все, что мы сейчас можем и должны «понять» до конца и со всею ясностью, — это не столько отдельные, хотя бы и самые яркие, эпизоды бурно протекающего политического кризиса, сколько пробивающиеся через эти, по необходимости запутанные и противоречивые, эпизоды и через них и в них осуществляющиеся основные линии развития этого кризиса, предопределяющие конечные итоги завершительного периода русской революции.

По потрясающему впечатлению, произведенному им

на весь мир, убийство Тухачевского, маршала Советского Союза, и семи других высших чинов Красной Армии оказалось — пока! — кульминационным пунктом той зверской расправы, которую творит сейчас Сталин руками Ежова, вчера еще мало известного, а сегодня за свою палаческую работу сразу выдвинутого на пост «вождя», подлежащего обязательному избранию во все «почетные президиумы» и приветствуемого «бурными овациями».

Официально маршал и 7 генералов советской армии расстреляны, как продавшиеся фашистской Германии изменники и шпионы. Тысячи резолюций клеймят их; поэты, писатели, художники, артисты, ученые академики, отважные полярные летчики пятнают себя, соперничая в низости ругательств по адресу убитых и хамстве славословий по адресу убийц; и даже несчастные вдовы начинают поливать грязью своих расстреленных мужей в надежде — вероятно, тщетной! — спасти себя, своих детей и своих близких от гибели, на которую обрекают всех присных и родных казенных, до седьмого колена, сталинские законы и, еще больше, подозрительная и злобная мстительность Сталина и его подручных.

И все же ни один человек не может, разумеется, серьезно и добросовестно верить этому официальному объяснению расправы. Возможны единичные случаи измены и на самой верхушке государственного и военного аппарата. Но невозможно поверить, чтобы восемь военачальников, победоносно проводивших гражданскую войну, вознесенных на высшие посты и осыпанных почестями, орденами и всеми земными благами, оказались просто продажными шпионами. И еще меньше можно поверить, чтобы в предательстве и шпионстве оказалась повинна чуть не сплошь вся верхушка Красной Армии. А между тем именно об этом идет ведь речь. За восьмью расстреленными, имена которых стали известны, стоят десятки тех, расстрел которых еще предстоит или держится пока в тайне, и сотни тех, которых снимают с высших командных постов и арестуют: ведь, в ряде военных округов (Белорусский, Ростовский и др.) спешно сменяется чуть не весь командный состав поголовно! Ни самого Тухачевского, и ни одного из его соподсудимых во всяком случае не удалось довести до «сознания» в шпионстве и предательстве: в противном случае никакая «военная тайна» не помешала бы раскрыть на несколько минут наглухо закрытые двери «суда», чтобы публично поставить кровавый фарс «покаяния». Но даже приговор не решился приписать казенным «чистосердечного признания»! Нас никто не может заподозрить в чрезмерных симпатиях к советским генералам и, особенно, к Тухачевскому, «победителю» несчастных кронштадтских матросов, поверивших в силу и святость советской конституции и объявленных за это «мятежниками», подлежащими истреблению и расстрелу; но продажными шпионами они не были. Это обвинение — одна из тех гнусных и презренных клевет, которыми Сталин старается морально убить свои жертвы, убиваемые физически свинцовыми пулями...

Но если не было шпионства и продажности, то, быть может, была «германская ориентация», т. е. политические симпатии к продолжению той «раппальской» линии, которая так долго была официальной линией советского правительства, в противовес «антантовской» линии, которая стала преобладающей линией советской дипломатии после прихода Гитлера к власти в Германии?

На этот вопрос пока невозможно ответить с полной

определенностью. Что в известных кругах армии, как и советской бюрократии вообще, существуют зародыши «германской ориентации», — это представляется весьма вероятным. Но уже гораздо труднее установить, точно ли Тухачевский и его ближайшее окружение являлись носителями этих внешне-политических тенденций: одинаково «хорошо осведомленные» иностранные сферы и иностранные журналисты дают диаметрально противоположные ответы на этот вопрос и подчас не только прямо называют имена кое-каких антагонистов и «судей» Тухачевского, как заведомых «германофилов», но и расправу с ним объясняют провокацией германской контр-разведки, через своих агентов державшей будто бы в своих руках «самого» Сталина. Разобраться в этой пестрой смеси противоречивых и подчас чудовищных толков и кривотолков, сейчас невозможно. Но в высшей степени сомнительно во всяком случае, чтобы «германофилами» были не только сам Тухачевский, но и все 7 соподсудимых его. И уж совсем невероятно, чтобы «германской ориентацией» был заражен чуть не весь командный состав Красной Армии, подвергаемой ныне такой массовой «чистке». Невозможно допустить, чтобы целый ряд лет существовал такой разрыв в тенденциях между советской дипломатией и той армией, на мощь которой эта дипломатия, в конечном счете, опирается. Невозможно допустить, чтобы диктатура, самое всеисие которой только и мыслимо при опоре на вооруженные силы страны, в течение ряда лет не замечала или терпела развитие враждебных ей внешне-политических тенденций в армейском командовании. Или, точнее, это возможно лишь при том предположении, что сама сталинская диктатура культивировала сохранение этих, официально отвергнутых тенденций, как «запасный фонд» на случай возможного в будущем изменения внешней политики. Как бы то ни было, если даже допустить, что политические тенденции и симпатии могут оправдать — не устранение «виновных» с руководящих и ответственных политических постов, а расстрел их, как «бешеных собак», то в данном случае в высшей степени трудно объяснить кровавую расправу с головкой Красной Армии «германской ориентацией» Тухачевского-ли, других-ли советских генералов.

* Но, если ни шпионство, ни «германская ориентация» не могут объяснить свирепой расправы Сталина с добрыми девятью десятками высшего командования вооруженных сил советской республики, ее сухопутной армии, морского и воздушного флотов, то все же должны быть какие-то мотивы, повелительно толкавшие его к мероприятиям, рокового внешне- и внутренне-политического эффекта которых он, конечно, сам не может не сознавать.

Основной внешне-политический эффект заключается в подрыве доверия к мощи и боеспособности советской армии, а вместе с тем и к ценности самого Советского Союза, как возможного союзника или участника тех или иных международных комбинаций. Если весь высший командный состав советской армии пронизан насквозь шпионами и продажными изменниками, то как можно доверять ему военные тайны, как можно вести с советским генеральным штабом те технические переговоры, которые необходимы при координации действий союзников и каких так усердно добивалось за последний год советское правительство, посылавшее для этой цели и во Францию, и в Чехословакию именно Тухачевского, ныне объявленного наемным агентом гитлеровской Германии? Если руководящее ядро армии сплошь проникнуто «германской ориентацией», то как могут союзники Советского Союза

расчитывать на добросовестное, энергичное и умелое содействие этой армии в случае войны с германским фашизмом? Если обучением, вооружением, снабжением армии в течение почти двух десятков лет заведывали «враги народа» и саботажники, то где гарантия, что за аэропланами и танками, услужливо показываемыми на военных парадах, не скрывается полный развал дела технического обслуживания армии, полная неспособность советской страны удовлетворять грандиозным требованиям военного времени? А если все эти обвинения — лишь гнусная ложь и клевета, то что думать о боеспособности армии, у которой правительство в течение нескольких недель ампутирует чуть не всю головку, заменяя обученных и опытных руководителей наспех выдвигаемыми новичками?

Был-ли Тухачевский шпионом или нет, были-ли он и его соподсудимые «германофилами» или нет, — буйная радость германских и итальянских фашистов, всей фашистской и полуфашистской, иностранной и эмигрантски-отечественной реакции достаточно ясно свидетельствует о том, на чью мельницу льет воду Сталин, на кого работает он в подготовляемом фашизмом кровавом столкновении народов! Лучшего союзника Гитлер и Муссолини и пожелать бы себе не могли! Более тяжкой измены государственным интересам «социалистического отечества» и придумать было бы невозможно!

Но не менее роковыми являются и внутренне-политические последствия новых убийств. Какова может быть дисциплина, моральная стойкость и надежность армии не только в бою, но и в мирной внутренней службе, когда ей объявляют, что девять десятых ее командиров были врагами народа, саботажниками и иностранными шпионами, сознательно и планомерно готовившими ее поражение? Почему солдаты должны верить тем, которые требуют от них беспрекословного повиновения сегодня, когда те, кому они обязаны были, под страхом жесточайших наказаний, таким же повиновением вчера, оказались изменниками и предателями? Сталин уничтожает своих врагов в армии; он заменяет их своими ставленниками, «стопроцентно» проверенными и преданными ему. Но в то же время, расшатывая военную дисциплину, заставляя солдат клеймить, как изменников и предателей, вчерашних начальников, развивая в них подозрительность и недоверие к начальникам сегодняшним, он сам подрывает надежность армии, как опоры своей диктатуры, сам толкает ее на путь хорошо известных из русской истории петербургских и московских «действ», которыми солдатчина так часто решала судьбы царей и режимов, сам подготавливает выступление ее на политическую арену, как орудия военных pronunciamentos и дворцовых переворотов.

Сталин не может не понимать, насколько колеблет он внешне- и внутренне-политические устои своей диктатуры кровавой расправой с командным составом Красной Армии. И если он все же творит эту расправу, то это еще раз подтверждает, что его диктатура обречена вертеться в том порочном кругу, в котором, как уже отмечал «С. В.» (№ 9), политический кризис Советского Союза принимает форму «бега на скорость» между «дворцовым переворотом» и «сталинским» плебисцитом. «Понята» может быть новая кровавая тризна, лишь как один из эпизодов этого «бега», лишь как один из эпизодов отчаянной борьбы диктатора за утверждение, укрепление и увековечение своего самовластия в состязании с другими конкуррентами и претендентами на власть.

Мы не знаем, существовал-ли действительно заговор военной среды против Сталина, пресеченный кро-

вавой расправой с Гамарником, Тухачевским и столь многими другими. Но вся эта расправа представлялась бы просто совершенно необъяснимым актом помешательства, если бы в армии не было настроений, направленных к обузданию и устранению Сталина, и если бы не было, по крайней мере, разговоров на эту тему, — и притом настроений и разговоров, как свидетельствует массовый характер расправы, получивших уже весьма широкое распространение. И если это предположение верно, то новая московская бойня является, несомненно не последним, но одним из последних актов острого кризиса, переживаемого сталинской диктатурой, актом, по самому характеру той среды, в которой он совершается, быстро приближающим развязку. Решение судеб сталинской диктатуры поставлено в порядок дня...

Целый общественный слой перевернут до дна неожиданно налетевшим на него террористическим шквалом, сказали мы. Какой-же это слой? Это все та же привилегированная верхушка советского общества, та же бюрократия, партийная и советская, хозяйственная, гражданская и военная, в пределах которой разыгрывались и все предыдущие фазисы кроваво-трагического кризиса большевистской диктатуры. Новая расправа и новая чистка являются лишь прямым и неизбежным продолжением тех расправ и тех чисток, которыми заполнен последний год, год приближения к выборам по новой конституции. Та же общественная среда и те же методы...

Разгромив старый бюрократический аппарат ГПУ при помощи армии, Сталин громить теперь старый командный состав армии при помощи обновленного ГПУ. Разгром одной части этого старого командного состава он начинает руками другой его части, как раньше громил одну часть старой партийной и советской верхушки руками другой ее части — с тем, чтобы, деморализовав и ослабив ее предательством и соучастием в преступлении, срезать ее затем целиком. Вряд ли можно сомневаться в том, что вчерашние «судьи» Тухачевского и стоящий за ними Ворошилов очутятся завтра сами на скамье подсудимых в роли кандидатов на звание «бешеных собак», если — если им не удастся все же опередить Сталина в том «беге на скорость», о котором мы говорили выше и в котором, надо признаться, его, коррумпированные взаимопожиранием, противники и соперники дали ему много очков вперед.

И в армии, как и во всем партийном и советском аппарате — вплоть до литературного и научного! — идет жестокая, звериная борьба за смену бюрократически выродившегося, но обремененного старыми социалистическими, революционными и партийными традициями и потому недостаточной надежного и подчас опасного сталинскому единодержавию персонала бюрократией новой, не имеющей никаких «традиций», кроме традиций сталинской диктатуры, под крылом которой она выросла и продвинулась к верхушке советской пирамиды, никакой «идеологии» кроме идеологии «тоталитарного» командования, никаких «идеалов» кроме идеала «веселой и зажиточной жизни». На этот хищный, жадный, бессовестный и бесцеремонный слой «жаждущей выдвигания» новой бюрократии опирается Сталин, как она опирается на него. Вместе и неразрывно связанные, они идут через горы трупов к плебисциту, предназначенному «увенчать», если не главу Сталина, то здание единоличной диктатуры, которое, воздвигаясь на якобы-демократическом фундаменте, отведет свой бальэтаж новому, выдвинувшемуся в революции привилегированному слою, концентрирующему в своих руках все материальные и культурные блага «социалистического»

общества. И лишь по завершении этого процесса узурпации всех достижений революции новым привилегированным слоем наступит время, когда диктатура сможет и захочет закрепить создавшееся контр-революционное положение твердым «гражданским правопорядком», заменяющим железный обух дикого террора золотыми, но тем более надежно сковывающими трудящиеся массы цепями контр-революционного «закона»...

«Упорядоченная» диктатура старой-ли, новой-ли бюрократии вместо той варварски жестокой, хамски некультурной, оголенно безнравственной диктатуры «переходного времени», которая сейчас справляет свои кровавые оргии, — таков может быть единственный «положительный» итог переживаемого Советским Союзом политического кризиса, если ему суждено протекать до конца исключительно в среде бюрократии и завершиться в атмосфере безмолвия масс.

Да, конечно, и «упорядоченная» диктатура есть «благо» и «прогресс» по сравнению с тем чудовищным режимом, под гнетом которого живет советская страна сейчас и ядовитые испарения которого начинают отравлять весь мир. «И злая тварь милее твари злейшей!» Но «тварью» остается для трудящихся классов всякая контр-революционная диктатура, ибо этим классам для реализации их завоеваний в революции и для дальнейшего продвижения к социалистическому освобождению нужна, как воздух и вода, демократическая свобода; ибо и «упорядоченная» диктатура таит в себе и неизбежно создает и растит новые революционные потрясения, в которых ценою новых громадных жертв трудящимся массам придется вновь отвоевывать раз уже добытые, но утерянные достижения; ибо «благом» с их точки зрения и «упорядоченная» диктатура может быть лишь постольку, поскольку они восстают против нее и в самих условиях «упорядочения», вносящих ясность в социальные отношения и так или иначе стабилизирующих правовые нормы, обретают новую опору для своего восстания. Трудящиеся массы могут использовать «упорядоченную» диктатуру, как обходный путь к возрождению революционной борьбы за свободу и социализм. Они никогда не могут и не должны делать «упорядочение» диктатуры своим лозунгом. Наоборот, они тем скорее и полнее смогут использовать такое «упорядочение» диктаторского режима для своих революционных целей, чем решительнее и определеннее противопоставляют с самого начала свое, демократическое разрешение политического кризиса всем видам контр-революционно-диктаторского разрешения его.

Заговорят ли наконец трудящиеся массы, и как заговорят они? Как доведенная до отчаяния стихия, в своем законном, но слепом гневе готовая вдребезги разнести все скрепы революционного здания, лишь бы избавиться от невыносимого гнета, и тем самым выносящая на собственной спине контр-революцию, или как просыпающийся гигант, планомерно и сознательно использующий те орудия, которые дала ему в руки революция, чтобы превратить в реальность ее завоевания и на почве прошлых достижений снова двинуться вперед? Выборы — если только бурно-кровавый ход событий не сорвет или не отодвинет в неопределенную даль и самые выборы! — могли бы дать ответ на этот вопрос, который становится тем более жгучим, чем больше делается с каждым днем очевиднее, что развязка уже не за горами!

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

П. ГАРВИ.

ИСПАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Падение Бильбао наносит жестокий удар делу испанской революции. Было бы бесполезно это отрицать. Революции побеждают не тем, что прячут голову в песок, а тем, что смотрят прямо в лицо опасности, — и удешевляют свою энергию для ее преодоления.

Столица басков пала после героического сопротивления. Разрушение немцами Герники, колыбели баскской культуры и европейской демократии, не сломало, а только закалило боевой дух защитников Бильбао. Они сомкнули вокруг своей столицы «железное кольцо». С присущим их народу упорством, хладнокровием и мужеством они до последней минуты, пядь за пядью, сдерживали наступающие колонны противника. До последней минуты они буквально своими телами прикрывали эвакуацию стариков, женщин и детей из осажденного города, обреченного голоду и огню.

Но и самый беззаветный героизм бессилён против решительного перевеса сил, против решающего превосходства военно-технических средств. Судьбу Бильбао решила германская авиация. У защитников Бильбао почти не было самолетов. Фашистский воздушный флот чуть ли не вдесятеро превышал республиканский. Германские сверхскоростные истребители и бомбовозы беспрепятственно могли разрушать столицу басков, в упор расстреливать ее защитников, низвергать с неба непрерывный град бризантных снарядов и зажигательных бомб. В конце концов, «железное кольцо» обороны было прорвано в нескольких местах. Командующие над городом высоты были заняты неприятелем. Сопротивление стало невозможным.

Но и тут республиканские баски показали себя бор-

цами без страха и упрека. Правительство автономной республики басков, обратившееся с пламенным воззванием к демократическим правительствам всего мира, только в самую последнюю минуту покинуло столицу, чтобы продолжить в тесном единении с правительством Валенсии борьбу за свободу и независимость. Баскские воинские части отступили в полном порядке, взорвав за собою мосты и заняв заранее заготовленные оборонительные позиции в горно-промышленной части страны. Ни тени растерянности, паники или анархии в момент вынужденного отступления под огнем неприятеля — и каким огнем!..

Взятие Бильбао — реванш интервентов за Гвадалахарское поражение. Потерпев поражение под Мадридом, интервенты вынуждены были искать случая восстановить свой ущербленный военный престиж. Расстрел в упор Герники, Альмерии и других незащищенных городов мог быть только суррогатом такого реванша. Вот почему интервенты и их ставленник Франко сосредоточили все свои усилия на занятии столицы баскской автономной республики, отрезанной от основной территории республиканской Испании. В осаде и занятии Бильбао решающую роль играли итальянские ударные части, снабженные сверхмощной артиллерией, и германская авиация. Армия Франко была представлена под Бильбао уже не марокканцами и легионерами, а новыми испанскими частями, обученными немецкими и итальянскими инструкторами и снабженными германским и итальянским оружием.

Для итальянских интервентов взятие Бильбао имело не столько стратегическое, сколько военно-политиче-

В. АЛЕКСАНДРОВА.

„ДИКТАТУРА ЛЖИ“

Среди становящихся все более заметными сдвигов, совершающихся в европейском и — надо думать — в советском общественном мнении, самыми знаменательными являются признаки начавшейся действительно социалистической ревизии Сталинского коммунизма, идущей рука об руку с освобождением социалистической идеи из плена коммунистических иллюзий. Формально европейский социализм в лице своих вождей оставался верен принципам демократического социализма. На деле, вернее в повседневности, социализм в лице своих рядовых сторонников с самого начала русской революции попал в сложное положение: большевистские методы отталкивали социалистов, пафос русской революции обезоруживал их, лишал в их глазах идеи демократического социализма их внутренней силы. В этом повинно все послевоенное поколение социалистов. Приход Гитлера к власти, страшное поражение германского рабочего движения только увеличили разброд в среде европейского социализма, особенно в рядах социалистической и около-социалистической радикальной интеллигенции.

Так создалось парадоксальное положение, при котором, по мере того как на коммунистическом фланге европейского рабочего движения росло число разочаровывающихся в системе сталинского социализма, на социалистическом — крепло ядро «левых социалистов»,

день за днем сдававших позиции демократического социализма.

Когда в рядах рабочего движения началось формирование единого фронта, «русская проблема» была отодвинута в тень. Но замалчивание русской проблемы в социалистической печати не пошло на пользу единому фронту. Проблема перекочевала на фланги, поглощая здесь почти всю политически-творческую энергию, рикошетом сказываясь на обмелении идейной жизни единого фронта, на оскудении притягательной силы его центральной идеи. Вот почему всякий искренний сторонник единства рабочего движения так заинтересован сейчас в постановке «русской проблемы», вот отчего недавно вышедшая в Цюрихе на немецком языке книга Вилли Шламма «Диктатура лжи» приобретает такой большой интерес.

Книга возникла у могилы казненных по Московскому процессу августа 1936 года. Реакция на Московский процесс составляет горящую сердцевину этой книги Шламма — страстный противник сталинской диктатуры, ее вольных и невольных лакеев, одной рукой подыскивающих извинительные аргументы для сталинских жестокостей, а другой — пытающихся сражаться с жестокостями фашизма. Внутренний пафос его книги это пафос высвобождения из пут коммунистических иллюзий, пафос борьбы за свободу во имя социализма.

ское значение. 16 июня, когда занятие Бильбао было уже предрешено, в итальянских журналах появились списки итальянских солдат, убитых в мартовских боях на гвадалахарском фронте под Мадридом. На следующий день, 17 июня, в органе Муссолини «Пополо д'Италия» появилась статья дуче, восхвалявшая «героизм» павших фашистских солдат и возвещавшая, что «мертвые Гвадалахары будут отмщены». Это открытое признание главой итальянского правительства участия в испанской гражданской войне не «волонтеров» фашизма, а регулярных частей итальянской армии, стало политически необходимым, чтобы восстановить внутри самой Италии и вовне подмоченный престиж фашистской армии и самого «дуче».

Но если для итальянских интервентов взятие Бильбао имело, главным образом, политическое значение реванша за Гвадалахару, то для германских интервентов на первом плане стояло и стоит овладение бискайскими железными рудниками и создание в северозападном углу Испании плацдарма для угрозы Франции с юга, а заодно и морским сообщениям Англии в Атлантическом океане. По соглашению с погибшим от авиационной катастрофы (?) генералом Мола, доставляемое немцами военное снаряжение должно будет оплачиваться бискайской рудой, контроль над производством и вывозом которой после занятия Бильбао и очищения от республиканцев всей баскской горно-промышленной области автоматически должен будет перейти в руки Германии. После занятия Бильбао начинается открытая борьба за рудники, борьба с бискайскими горячками. Сооружение нового огромного аэродрома под Сан-Себастьяном тоже должно объяснить скорее стратегическими планами Германии, чем военной необходимостью с точки зрения испанских мятежников.

Сейчас еще трудно предвидеть, как дальше разовьются военные операции на бискайском фронте — особен-

но в горном районе с рабочим населением — и как отразится падение Бильбао на общем ходе гражданской войны. После победы на гвадалахарском фронте мы указывали на необходимость выяснить причины победы, чтобы усилить факторы, повышающие боеспособность республиканской армии. После падения Бильбао республиканцы должны безбоязненно выяснить причины поражения, чтобы, по возможности, их устранить.

Помимо объективных причин (отрезанность бискайского фронта, недостаток авиации и военного снаряжения, продовольственные затруднения), известную неблагоприятную роль сыграли пережитки «по-ротного» командования, особенно же препятствия партийного и национального свойства, как при формировании и пополнении воинских частей, так и в деле организации единого командования и единого управления.

Но немаловажной, хоть и косвенной причиной поражения на бискайском фронте несомненно послужил и внутренний политический кризис в республиканской Испании, связанный с трагической вспышкой братоубийственной войны в Барселоне. Этот кризис в республиканском лагере несомненно окрылил испанских фашистов и интервентов, а, с другой стороны, морально-политически ослабил анти-фашистский фронт. Не исключено, что кризис этот помешал реформированному в драматической обстановке новому правительству республики нажимом на других фронтах ослабить бешеный натиск фашистов и интервентов на бискайском фронте. Скорейшая ликвидация внутренней розни в анти-фашистском лагере, расширение базы республиканского правительства Валенсии путем возвращения в его состав представителей анархо-синдикалистской части пролетариата и прекращение разнузданной и отравленной борьбы коммунистов против троцкистов, как «агентов Франко», — таковы политические задачи, диктуемые военной необходимостью.

Прошлое Вилли Шламма поможет читателю оценить значение пройденного им пути развития. Вилли Шламм талантливый австрийский журналист, бывший редактор венской «Роте Фане»; вследствие разногласий с компартией, он вынужден был покинуть ее ряды и в течение нескольких лет работал в качестве независимого коммуниста, редактируя политический еженедельник «Вельтбюне», пользовавшийся большой популярностью в широких кругах социалистической и радикальной интеллигенции Запада. После венского восстания Шламм стал социалистом.

Как и «Возвращение из СССР» Андрэ Жида, книга Шламма — взволнованные мысли вслух ищущего человека. В этом смысле обе книги созвучны. Только Жид долго жил «про себя», в стороне от злободневных событий, Шламм вырос на пыльной улице этих событий. Уже по одному этому его книга не может быть плавным рассказом: она горяча, прерывиста, местами зла, ее сарказм хлещет, ее лиризм захватывает, иногда подымаясь на высоту настоящей социалистической исповеди. Но перейдем к самой книге.

Сталинская диктатура — спазм рекордсменства: у нее самая мощная в мире гидроэлектростанция, самый большой в мире тракторный завод, ну а сейчас и самые поразительные судебные признания. Сплошной рекорд. Дети-пионеры на следующий день после расстрела Зиновьева, Каменева и других сообщают «дорогому Сталину» о своей солидарности с приговором суда; другие дети-беспризорники целыми днями простаивают около

громкоговорителей, слушая отчеты о Московском процессе и так рады приговору. Впрочем, радость советских детей разделили и итальянские фашисты, отметив, что Московским процессом Сталин показал, что он «стоит на почве фактов». Каковы же эти факты? Шламм перечисляет их:

«Русская революция ликвидируется. Самый удачливый в мире антибольшевик — опять рекорд — Сталин. Гитлер готовится к войне с помощью советского марганца, Муссолини с помощью русской нефти завоевывает Абиссинию... Из надежды социализма Россия превратилась в государство термитов с религией американизма, технически даже заостренного, морально обедненного устранением нескольких буржуазных свобод. На почве этих фактов стоит Сталин. Мы же стоим у могилы наших самых страстных иллюзий».

Московский процесс должен сыграть ту же роль, какую в свое время в стагнировавшей Франции сыграл процесс Дрейфуса. Он разбудил моральное сознание, подсказал ему, что единственное спасение от общественного разложения «чистка в собственном лагере от миазмов лжи, несправедливости и низости».

«Зашедшие в тупик и моральную инерцию эпохи нуждаются иной раз только в маленьком толчке, чтобы увидеть размеры опасности и путь к ее преодолению... Пусть пытающееся принять обличье научности вырождение социалистической освободительной борьбы иронизирует сколько хочет, но решающим, единственно существенным двигателем человеческого развития является элементарная, неодолимая, упрямая тоска по справедливости; эта тоска — единственный залог того, что наша гнилая современность найдет силы для нового подъема».

Московские чудовищные процессы могут быть либо правдой, либо ложью, третье — не дано. Шламм исходит из того, что обвинения — ложь. Из сознания этого

**

Падение Бильбао является большим ударом для испанской республики и с точки зрения ее международного положения. Эта неудача косвенно скажется в новом усилении международных факторов, заинтересованных в поражении испанской революции.

Взятие Бильбао было, главным образом, результатом комбинированных действий итальянской тяжелой артиллерии и германской военной авиации. Иными словами, установление пресловутого контроля испанских берегов не только не привело к прекращению интервенции, но, скорее наоборот, усилило технические (точнее, контрабандные) возможности итало-германской интервенции, доверив контроль над значительной частью испанского побережья... флотам интервентов. В то время, как доставка военного снаряжения и волонтеров республиканской части Испании была контролем прекращена, доставка снаряжения и регулярных воинских частей в помощь Франко была им обеспечена.

Политика невмешательства все больше превращается при таких условиях в политику одностороннего вмешательства в пользу мятежников и в ущерб законному правительству Испании. Продолжение такой политики невмешательства может в конце концов привести к созданию решающего военно-технического перевеса на стороне мятежников и интервентов, перед которым не смогут устоять при всем своем напряжении изолированные силы республики. Это было бы не только победой фашизма над одной из европейских демократий, но и первой военной победой итало-германо-японского блока в развязываемой им мировой войне.

Ибо нельзя вырывать испанскую проблему из международного контекста. Германская дипломатия плетет в последнее время густую сеть интриг во всех четырех углах Европы. Поездки генерала Бека в Париж, ген.

Бломберга в Будапешт и т. д. свидетельствуют о каком то широко задуманом обходном маневре, о подготавливаемой крупной перегруппировке держав, о тайных торгах с переторжкой, в которых и судьбы испанской республики служат, если не козырем, то ходовой картой.

Последние кровавые события в Советской России, подорвав престиж Красной Армии и веру в прочность советского строя, также сыграют, повидимому, немалую роль в замечающейся перегруппировке. Недоверие к надежности и силе русского партнера усилит во Франции и особенно в Англии тенденцию к прямому соглашению с Германией за счет России, что в свою очередь будет толкать Советскую Россию, очутившуюся на положении далеко не блестящей изоляции, на путь попыток восстановления политики Рапалло, т. е. сближения с Германией, но уже не демократической, как в 1922 году, а фашистской. В результате Гитлер может стать арбитром и вершителем судеб Европы...

В этом сложном и неустойчивом переплете международных отношений, в этом спутанном клубке намечающихся переориентаций и передвижек итало-германская «ось» пытается прочно закрепиться в испанской «втулке». Провокационными действиями итало-германский блок, повидимому, оформившийся в тайный военный союз, старается окончательно сбросить с себя все же стеснительные узы лондонских соглашений о невмешательстве, т. е., свести к минимуму сдерживающую роль Англии и Франции в испанском конфликте.

Инцидент с «Дейтшланд» дал возможность итало-германскому блоку добиться дальнейших успехов в этом направлении. Демонстративный выход Италии и Германии из Лондонского комитета о невмешательстве явно носил характер шантажа. Разрушение Альмерии было только прелюдией для вымогательства в духе полной реорганизации контроля (уничтожение деления испанских берегов на секторы, применение репрессий без

факта и родилась его книга — страстный протест против систем сталинской лжи. Но коммунистам, готовым присягнуть, что обвинение Зиновьева и др., в измене, предательстве обосновано, Шламм ставит в упор вопрос: Главные обвиняемые и осужденные по Московскому процессу в течение четверти века играли руководящую роль в том движении, которое завершилось победой русской революции и пришли к — шпионажу, предательству, бандитизму. Что-же это за движение, которое так переносит в своих вождей? И как после этого можно верить его сегодняшним вождям, которые завтра могут оказаться предателями, шпионами, бандитами?

Много места уделяет Шламм наболевшему вопросу европейского социализма — а можно ли все-таки перед лицом торжествующего фашизма критиковать светскую диктатуру? Шламм глубоко убежден и умеет заразить своим убеждением, что критиковать советскую диктатуру не только можно, но и необходимо. Еще в предисловии, отвечая на возможный упрек — как можно, де, сводить счеты со Сталиным именно теперь, когда во всем мире фашизм ведет анти-большевистскую травлю, — Шламм пишет: «Европейский социализм должен выбрать между своим собственным самоутверждением и Сталиным. Европейский социализм должен либо говорить о Сталине, либо молчать о Гитлере». Именно потому, что он, Шламм, хочет активно бороться с Гитлером, принять участие в преодолении фашизма, он должен «свести счеты» со Сталиным. Само собой разумеется, Гитлер «не должен зарабатывать на авантюристических эксцессах Сталина». «Именно об этом должен позаботиться социалист. Но он сумеет выполнить эту за-

дачу только одним способом: социалист должен твердо сказать — у социализма нет ничего общего со Сталиным».

О, конечно, Гитлер искренно стремится к уничтожению коммунизма, «поскольку он в нем видит ограниченное рамками нашего времени проявление вечной идеи свободы и человеческого достоинства... Но что это имеет общего со сталинской Россией?» То, что разделяет Гитлера и Сталина, «воистину менее значительно, чем то, что характерно для них обоим». Они дополняют друг друга, немыслимы друг без друга. Обо всем этом свидетельствуют не их слова, а их дела. При всем решительном намерении уничтожить немецких коммунистов, «фюрер» готов терпеть русского «фюрера» с тем, чтобы «он о том же позаботился бы на русской территории». Первоначально взаимоотношения обоих режимов были «дружественными». Нынешний гитлеровский «анти-большевизм», «анти-большевистский грим» носит довольно отчетливые следы «анти-французской ориентации» внешней политики гитлеризма. При всех взаимных истерических выкриках дефицитным марганцем для целей военной промышленности снабжает гитлеровскую Германию никто иной, как Советский Союз...

Социалисты, отказывающиеся перед лицом гитлеровского фашизма бороться со Сталиным, т. е. отказывающиеся от борьбы за свободу против тирании, подобные солдату, который бросает свое самое лучшее оружие потому, что оно может быть отнято врагом. Шламм беспощаден к тем социалистам, которые конфузливо мирятся со сталинизмом, потому что субъективно Сталин хочет совсем иного: «Не то важно, что хочет Сталин, а то, что он реализует». Давно пора социалистам

предварительного совещания, установление солидарности четырех контрольных флотов и т. п.). Окольным путем Италия и Германия хотели вернуться к идее «пакта четырех», т. е. добиться выключения Советского Союза из европейского концерта великих держав. После замены Лиги Наций Лондонским комитетом итало-германский блок добивается фактической замены последнего совещанием «четырех». При нерешительности английской политики это означало бы итало-германскую гегемонию.

Дело кончилось компромиссом, который дал возможность Италии и Германии вернуться в Лондонский комитет, чтобы продолжать в нем пуше прежнего свой саботаж политики невмешательства. Французские предложения о привлечении к участию в контроле флотов и других держав, представленных в Лондонском комитете, в том числе и советского, а также о подлинной интернационализации контроля путем назначения на каждое контрольное судно нейтрального офицера-наблюдателя были в переговорах отклонены. Существо достигнутого в конце концов компромисса сводится к расширению зон безопасности для контрольных судов, с запрещением воюющим сторонам производить воздушную разведку над этими зонами, и к обязательству, в случае нападения на какое-либо из контрольных судов, немедленно устроить совместное совещание о мерах репрессии, с сохранением за подвергшимся нападению судном или флотом права принять все меры к самозащите. На практике эта «самозащита» будет прикрывать самоуправство, агрессию и репрессии...

Не успел этот компромиссный «статут» войти в силу, как Германия новой провокацией пытается добиться такой его интерпретации, которая означала бы новый шаг на пути развязывания рук интервентам. Мы имеем в виду мнимое нападение несуществующей подводной лодки на германский крейсер «Лейпциг». Команда крейсера утверждает, будто видела на

воде след от пущенной в него мины. И этого голословного утверждения достаточно, чтобы Германия могла возобновить в Лондонском комитете политику шантажа! И этого достаточно, чтобы поднять шум против «красных пиратов» и потребовать коллективных репрессалий против испанской республики без всякого расследования!

История с «миной», которую никто не видел, напоминает провокацию с подложной эмской депешей Бисмарка, вызвавшей войну 1870 г. Хочет ли Гитлер играть ва-банк?

Положение становится воистину невыносимым. Положение становится грозным. Продолжение политики невмешательства в нынешнем виде превращает ее все больше в преступное попустительство интервенции итало-германского фашизма. Соединенное заседание в Женеве двух интернационалов, социалистического и профсоюзного, еще раз об этом заявило. На карту поставлена судьба европейской демократии и европейского мира. Еще не поздно прекратить политику капитуляции перед нарушителями мира! В странах диктатуры успехи их вождей и почти капитулянтская уступчивость демократических правительств только усиливают в массах престиж диктаторов и их агрессивной внешней политики. Но именно поэтому в странах демократии рабочий класс и широкие народные массы, пользующиеся свободой политической деятельности, обязаны мобилизовать всю свою энергию для защиты испанской республики и для давления на свои правительства, чтобы добиться от них или действительного проведения политики невмешательства всеми государствами, или отказа от нее и восстановления законного права законного испанского правительства на самозащиту, т. е. в первую очередь права приобретать военное снаряжение за границей.

Р. С. Вследствие задержки выхода номера в свет необходимо сделать краткое добавление к нашей статье. Герман-

прекратить «идейную инфляцию», в которой «чистое золото честного и активного поведения» заменяется «векселями без покрытия»: жестокая современность найдет будто бы оправдание в светлом будущем!

«Это будущее — наглый мох, прожорливость которого не знает границ. Каждый кусочек свободы, который ему сегодня жертвуют, означает не больший кусок свободы завтра, а как раз обратное: это будущее — бездонная бочка и в нее все льют новую кровь. До тех пор пока поколения людей в интересах своих славных внуков будут отказываться от своей собственной свободы и человеческого достоинства, до тех пор они будут ограничивать, а не расширять свободу для своих наследников. Только тот, кто по-настоящему сегодня защищает свою собственную свободу, приумножает сокровище свободы для будущих поколений».

Особенно беспощаден Шлам к довольно распространенному среди социалистической и радикальной интеллигенции Запада типу околопартийных «левых социалистов». Шлам годами присматривался к этой разновидности людей, которых немало было среди его читателей. Он выбрал для них специальную кличку, в переводе несколько утрачивающую свою остроту: «социалистический вольноотпущенник» («либертинер»), подразумевающая психологию отпущенных на волю римских рабов, продолжающих служить у старого господина и сохраняющих в себе черты рабской психологии. Этот «вольноотпущенник», имеющий с социализмом «не больше общего, чем карманный воришка с социализацией, владеет, однако, трюком распутной диалектики», к которой он прибегает всякий раз, когда у него нет аргументов. На его совести лежит немалая доля ответственности за то, что современный социализм стал ироническим относиться к своим основным моральным категориям:

«Маркс, Энгельс и их первые ученики страстно боролись против «идеализма», понимая под ним вполне определенную, довольно случайно и не совсем справедливо так называемую философскую школу; сегодняшний вольноотпущенник борется с идеализмом и понимает под этим подлинный идеализм».

С еще большей страстностью разоблачает Шлам характерные черты сталинской молодежи. 15 лет назад молодые люди становились коммунистами, потому что Россия была «напориста, героична и одинока»; сегодня — они становятся коммунистами потому, что «Сталин обладает громадной армией, гигантскими заводами, дипломатическим влиянием». Или иначе: 15 лет назад молодые люди становились коммунистами, потому что хотели попытаться «в бедном, но гордом государстве» осуществить коммунизм; сегодня они становятся «коммунистами» в основном потому, что «Россия больше не имеет ничего общего с коммунизмом».

И тем не менее на свете есть немало «наивных социалистов», плачущих от умиления, когда, отправляясь впервые в Советский Союз, они под'езжают к пограничной арке с надписью: «Пролетарии всех стран, соединитесь!».

«Я же плачу, когда думаю, что эти слова, согретые кровью сердец многих людей, отдавших их за социалистическое содержание этих слов, — я плачу, когда думаю, что эти слова все еще украшают входную арку в Сталинскую страну. Я плачу не от умиления. Я плачу от чувства беспомощности, с каким наше поколение должно сносить осквернение самых дорогих ему идей».

В последнее время нередки книги, на основе непосредственных наблюдений и точных фактов рисующие подлинное лицо сталинского коммунизма. Авторы их в

ская провокация с «Лейпцигом» едва не взорвала европейского мира. Наткнувшись на сопротивление Англии и Франции, Гитлер на этот раз не решился немедленно прибегнуть к самоуправству, как после инцидента с «Дейтшланд». Заявление обеих стран, что они не останутся равнодушны в случае агрессивных действий Германии в Средиземном море, возымело свое действие. Дипломатическая поддержка Рузвельтом Англии и Франции в этом вопросе заставила Гитлера призадуматься, — но только для того, чтобы вместе со своим союзником, Муссолини, искать других, обходных, путей для достижения той же цели.

Германия и Италия заявили 23 июня о своем отказе от участия в морском контроле. Этим самым было сорвано соглашение 12 июня о реорганизации контроля. Но отказ от участия в контроле отнюдь не означает увода германских и итальянских судов, наоборот, — флоты этих держав в испанских водах усилены, и обе эти страны собираются самостоятельно отстаивать свои «интересы» в западной части Средиземного моря и бесконтрольно осуществлять морской «контроль». Иными словами, интервенты хотят окончательно развязать себе руки в отношении Испании.

На этот раз Англия и Франция логикой вещей были принуждены занять более решительную позицию. 25 июня меж-

ду ними было достигнуто принципиальное соглашение о том, что, в виду отказа Германии и Италии от участия в контроле, Англия и Франция берут на себя контроль всего побережья Испании. При этом английский флот будет контролировать все средиземно-морское побережье, а французский флот — весь берег Атлантического океана. Англия не возражает против французского предложения о присутствии на контролируемых судах нейтральных наблюдателей. Валенсия заявила о своем согласии с англо-французским планом. Другой вариант — осуществление контроля смешанной эскадрой стран, представленных в Лондонском комитете о невмешательстве, т. е. и советскими судами, имеет меньше шансов быть принятым, хотя принципиально он представляется более правильным.

Вопрос должен быть решен в Лондонском комитете о невмешательстве. Германия и Италия из него не вышли. Печать этих стран развивает бешеную кампанию против англо-французского проекта. Речи Гитлера и Геббельса, с одной стороны, статьи Муссолини и Фариначчи, с другой, не оставляют сомнения в истинных планах и намерениях поджигателей войны. Весь вопрос в том, сохранит ли Англия и Франция проявленную ими на этот раз твердость и поймут ли они, что пересмотр политики невмешательства и снятие блокады с республиканской Испании есть единственно правильный выход из создавшегося положения.

А. ЮГОВ.

ВРЕДИТЕЛЬСКАЯ ЧИСТКА

Сейчас во всех областях советского хозяйства политика систематически дезорганизует хозяйство.

Особенно ярко это выявилося в наиболее концентрированной и сложной области хозяйства — в индустрии. Если даже отбросить наиболее мрачные оценки, которые теперь дает современному состоянию советской индустрии коммунистическая печать, — надо же официозам оправдать расправы Сталина со вчерашними руководителями экономики, — если даже отобрать

большинстве бывшие правоверные коммунисты или прошедшие через фазу увлечения коммунизмом представители лево-радикальной интеллигенции. Книжки эти знамение времени. Они сыграют свою полезную роль в процессе освобождения демократической и социалистической европейской общественности от про-сталинских иллюзий, укрепят в них сознание неразрывности борьбы за свободу и за социализм.

Книжка Шламма занимает в этой литературе почетное место. Она ценна не столько своим разоблачительным материалом, сколько тем, что диктатуре тоталитарной лжи он умеет противопоставить тоталитарную правду демократического социализма. Успехи техники, успехи в области экономического строительства возможны не только у Сталина, но и в капиталистических странах, возможны — и в ряде областей имеются — и у Гитлера. Но эти успехи не могут утолить «социалистической тоски», живущей в лучшей части современного человечества.

«Деклассированный и потому заносчивый интеллигент, на деле свысока смотрящий на рабочего, хочет убедить его и нас, что для рабочего «вопрос желудка» — главное, с ним он подходит к разрешению общественных проблем. Это — ложь. На ней в последние десятилетия и споткнулся в ряде стран социализм, в ней — источник его бессилия. Ибо рабочие — к чести их будь сказано — вовсе не хотят строить баррикады из-за лоскутка социальной политики. За это никто не отдает своей жизни. Воспламеняет человека до самозабвения всегда лишь какая-нибудь одна, сверхличная идея захватывающей, духовной силы».

только те доклады и отчеты, которые наиболее спокойно и объективно оценивают положение дел в СССР, то и в этом случае общая картина получается весьма мрачная.

В прошлом году за первые 5 месяцев план индустрии был перевыполнен почти по всем отраслям, кроме топливной; в текущем году — явление обратное, почти по всем отраслям, в том числе и по топливной, план невыполнен. За январь-май в 1936 г. план по чугуну был выполнен в размере 41,3% годового плана, в этом году лишь 36,5%; по прокату — в 1936 г. 42,5%, в этом году 35%; по углю — в 1936 г. 36%, в этом году 34% годового плана. В среднем по всей тяжелой индустрии выполнение идет на уровне ниже 90% плана. При этом следует учесть, что в прошлом году план намечал увеличение за год в 33%, а в этом году план был намечен уменьшенный — лишь с увеличением в 20%. Не выполняется план не только по тяжелой индустрии, но и по Наркомлегпрому, Наркомлеспрому, Наркомпищпрому...

Общие итоги производства настолько мало утешительны, что вот уже три месяца не публикуются обычно ежемесячные сводные отчеты.

Недавно состоявшееся совещание директоров при Наркомтяжпроме подвело очень печальные итоги.

Выработка на самых крупных, самых современных и технически оснащенных заводах, начиная с апреля, систематически снижается. Металлургические заводы, авто-тракторные, машиностроительные, электро-технические комбинаты, транспортные заводы переживают сейчас острые перебои производства.

«Горьковский завод за 5½ месяцев невыработал 6 тыс. грузовиков и свыше 3 тысяч лимузинов». «Автозавод им. Сталина недодал 1½ тыс. грузовиков и около 1.000 легковых машин. На автозаводе им. Молотова производство машин сплошь и рядом опускается до нуля». «Завод им. Петровского бесспорно работает сейчас хуже, чем в первом квартале». «Заводы Макеевский, им. Держинского, Кузнецкий работают плохо, дисциплина сильно расшатана. Магнитогорский — работает из рук вон плохо». «Главностанкоинструмент дал в текущем году меньше, чем за соответствующий период прошлого года и лишь около 70% своего плана».

«Заводы цветных металлов, плохо работавшие и в первом квартале, во втором квартале имели еще меньшую выработку». «Добыча угля, несмотря на все усилия, стоит на уровне гораздо более низком, чем намечал план».

«Ремонт паровозов систематически задерживается». «Производство запасных частей для тракторов и автомобилей поставлено так плохо, что свыше 1/3 тракторов и 1/2 автомобилей бездействуют из-за недостатка частей».

Таковы печальные выводы только по наиболее крупным предприятиям тяжелой индустрии. Их можно бы увеличить во много раз.

Но особенно существенно то, что качественные достижения прошлого года, полученные после таких усилий, и столь необходимые для всего хозяйственного режима страны, не удается сохранить. Здесь отступление по всей линии.

Себестоимость, согласно плану, должна была снизиться в первом квартале на 2,8% на многих, притом решающих, заводах она повысилась: на заводе им. Дзержинского — на 14,2%, им. Орджоникидзе — на 12,0%, Сталинском — на 12,8%, на Магнитогорском — на 6,2%. Брак по металлу и металлоизделиям вновь повысился, очень плохо с браком и в других отраслях тяжелой индустрии. Незаконченное производство и некомплектное производство вновь стали обычным явлением. Ухудшились выходы, среднemasинные выработки и с'емы металла по сравнению с прошлым годом.

И в области финансовой существенное ухудшение. Некоторые крупные заводы в прошлом добились ликвидации убыточности и даже начали давать прибыль. Сколько радужных надежд возлагалось на то, что в этом году удастся этот процесс укрепить и расширить! Между тем, «За Индустриализацию» сейчас сообщает: «накопления тяжелой индустрии за январь-апрель оказались ниже плана».

Словом, по свидетельству советской печати и руководителей индустрии «нового призыва» вся советская промышленность сейчас находится в состоянии острого кризиса и попятного движения по сравнению с прошлым годом.

В чем же дело? Где причина такого грозного явления, тем более опасного, что такие же процессы наблюдаются и в других отраслях хозяйства?

Советская власть обвиняет во всех этих отрицательных явлениях вредителей, троцкистов, которых она клеймит шпионами и бандитами.

Если поверить этому объяснению, то оказывается, что вредители господствовали на производстве, в трестах, в главках, в наркоматах, в Госплане. После двадцати лет существования советской власти, после всяческих процессов, после побед на научном и техническом фронтах, после стольких лет дорогого предметного обучения всех директоров-выдвиженцев, коммунисты на производстве от станка до наркомата оказались круглыми тупицами и беспечнейшими дурнями, которые не видели, как у них на глазах изо дня в день подготавливается и совершается вопиющее вредительство. Госпланом оказываются фактически руководили не славные выученики Сталина, а вредители. Планы определяли вредители. Вредители дезорганизовали центральное и местное руководство, портили сырье, понижали качество продукции, гноили продовольствие. Вредители определяли нормы выработки, систему зарплаты, они же извратили стахановщину. Что же делали, чем занимались настоящие коммунисты, вернейшие сталинцы в Политбюро, в Госплане, в Наркоматах? Не только ордена Ленина и Красного Знамени, обильно украшающие их груди, но

и значки ГТО («готов к труду и обороне») справедливо бы у них отобрать. Бездельники и ротоzeи!

Но странно, что о разоблаченных сейчас неудачах и бедах в свое время сигнализировали как раз те, кто сейчас объявлены вредителями. И в отношении планов, и в отношении норм выработки, и в отношении отрицательных сторон стахановщины...

Сталинская печать обвиняет сейчас всех, вплоть до наркомов, но она ухитряется при этом славословить Сталина, но кто же в СССР определяет планы, назначает наркомов и дает решающие директивы?..

Даже в частном хозяйстве, с его хищническими методами, с его органической несогласованностью частей, с его своекорыстной конкуренцией было бы невозможно вредительство в таких размерах и такого размаха. Но как возможно вредительство сознательное, организованное и длительное в советском хозяйстве, где все определяется планом, где каждый шаг контролируется партийными и непартийными большевиками?

Или же вредительство вытекало из утверждаемых Сталиным планов и директив, пропитывало мелкие и крупные директивы Сталина, т. е. было сущностью планов. Тогда понятно почему тысячи коммунистов долгие месяцы не обнаружили вредительства, но тогда весь большевизм — вредительство, вся система советского управления хозяйством — вредительская.

Мы этого не думаем.

Вредительство — лишь грандиозная выдумка, чтобы отвлечь внимание масс от действительных виновников, дезорганизующих по политическим мотивам хозяйство.

Главная причина явлений регресса в советской индустрии — это снятие с постов, аресты, чистка громадного количества ответственных руководителей хозяйства, подозреваемых в троцкизме, в правом, в левом уклоне, т. е. не в 100% сталинизме.

Чтобы замести следы, демагогически направить народное мнение, вчерашних руководителей обвиняют во вредительстве, им приписывают ответственность за неудачи, даже тогда, когда они исполняли лишь прямые директивы центральной власти.

«Это особенно ярко видно на отношении к стахановщине. В прошлом году директора шельмовали, если он не создавал стахановцам особо благоприятных условий. Общее одобрение властей получила скороспелая теория «стахановского примера», по которой для того, чтобы стахановцы давали все растущие рекорды, надо им создавать образцовые условия... Рекорды будут, мол, подтягивать и основную массу рабочих.

И вдруг теперь вредительство Глебова-Авилова (директор завода сельско-хозяйственных машин в Ростове) характеризуется следующим образом: «Остановить замечательное движение передовых рабочих вредителям не удалось, но напакостить они успели немало. Они создали тепличные условия для 10-15 человек, с избытком снабжали их резцами, приспособлениями, материалами, а всю многотысячную массу рабочих завода держали на голодном пайке. Токаря Сироту, неустойчивого, нетвердого человека вредитель Глебов-Авилов всячески выдвигал. Его вконец испортили, разложили подачками, премиями».

Недостаток места не позволяет нам привести сотни примеров того, как рекорды почти всех стахановцев, вплоть до самого Стаханова (вспомним, например, как Стаханов ставил свой первый рекорд, или, как Стаханов, после своего возвышения, перекрыл свой рекорд) ставились именно в таких же условиях неограниченного содействия всего начальства.

За последние месяцы, в связи с генеральной чисткой предпринятой Сталиным, в связи с расстрелами и процессами против всех, которых Сталин подозревает в способности на оппозицию, тысячи руководителей хо-

зьяства были сняты с постов и обвинены во вредительстве.

Конечно успехи прошлых лет были сильно преувеличены. Теперь это охотно признает и советская печать. Но даже если сделать нужные поправки, то все же следует признать, что годы 1932-1936 были годами быстрого под'ема и оздоровления идустррии. Но самое важное было не количественный под'ем выработки, а постепенное создание на предприятиях трудового режима. Структура индустрии наконец сложилась, определился трудовой быт, установились взаимоотношения и, самое главное, подучились работе не только рабочие, в массе вчерашние крестьяне от сохи, но и руководители промышленности. Ценою тяжелых ошибок, путем мучительного отбора на практике, на ходу, в Союзе, наконец, образовались кадры, кадры «капитанов индустрии».

Для поднятия технической культуры, воспитания советского директора и инженера, для установления на предприятии трудовой дисциплины громадная работа была проделана за последние годы. Орджоникидзе, вовремя умерший, теперь в ужасе отшатнулся бы от того, что сделали с советской индустрией в последние месяцы.

Почти все, наиболее талантливые инженеры и хозяйственники, которые оказались способны самостоятельно организовать и управлять грандиозными предприятиями, теперь сняты с постов и ославлены, как бандиты-вредители.

Вчерашние герои труда сегодня об'явлены продажными шпионами.

Повсюду острая дезорганизация. Одновременно сняты с постов директора, инженеры, руководители целых отраслей, заводов, цехов. Вчерашняя работа об'явлена преступной. Повсюду надо начинать новым людям, все снова, новыми методами.

Даже рабская советская печать отмечает, что созда-

лась атмосфера растерянности и боязни ответственности.

«Во многих отраслях тяжелой индустрии царит: «растерянность вплоть до самоустранения от руководства».

«На заводах растерянность. Инженерно-технические работники по каждому поводу хотят перестраховаться» (завод Коминтерна).

«Технический персонал не проявляет ни инициативы, ни особой активности, боятся ответственности» (Паровозостроительный завод).

«Приемщики продукции теперь боятся даже своей собственной тени...» (Завод им. Дзержинского).

Не лучше дело и в рабочей среде. «Дисциплина нарушена. Авторитет технического персонала, в том числе и партийного, подорван, производительность труда резко понижена. Сильно увеличилась текучесть».

Можно много нелепостей писать о вредителях и их художествах, но сухие отчеты и жестокие цифры показывают, что в месяцы, когда якобы процветало вредительство, продукция неизменно росла, а качество улучшалось, а в последние месяцы, когда производится пресловутая «чистка», во всех отраслях по главнейшим показателям происходит попятное движение.

Дорого обойдется стране политическая расправа с неудобными. Медленно будет изживаться материальный и моральный ущерб, нанесенный Сталиным и сталинцами советскому хозяйству.

Преступная и безответственная политика дезорганизовала производство, изуродовав живую ткань управления.

Тот, кто так много говорил о кадрах и о необходимости их бережения, одним ударом уничтожил целый слой советских техников и инженеров.

На языке советских передовых подобные деяния называются вредительством. По нашему мнению — это яркое выявление того, что Советский Союз сейчас доведен политикой изжившей себя диктатуры до явлений регресса и в области хозяйства.

С. ШВАРЦ.

КРИЗИС ОХРАНЫ ТРУДА

На происходящей сейчас в Женеве международной конференции труда делегаты Советского Союза в тонах самого бесцеремонного бахвальства и «зазнайства» рассказывают о расцвете профессионального движения в Советском Союзе и о наших замечательных «достижениях» в области социальной политики. «Самокритики» ни следа. Все у нас превосходно, и рабочий класс Советского Союза наслаждается «веселой и зажиточной жизнью», которой он обязан мудрости великого Сталина, и лишь с тревогой следит за ростом нищеты и необеспеченности своих западных братьев.

В Советском Союзе этот дубок давно набил оскомину. Он находится в таком кричащем противоречии с действительностью, что повторять сейчас сказку о блестящем положении рабочих масс становится небезопасно: такие речи могут вызвать здесь не только возмущение рабочих (это еще с полбеды), но — того и гляди — и обвинение в «провокации» и во «вредительстве» путем «восстановления рабочих против советской власти».

В прошлом номере «Социалистического Вестника» я привел ряд фактов, характеризующих кризис охра-

ны труда в Советском Союзе. На теме этой стоит остановиться несколько подробнее. В прошлый раз я касался главным образом вопросов техники безопасности (т. е. так назыв. технической охраны труда). Состояние ее часто безотраднo. Но и в области охраны труда в тесном смысле слова (т. е. так назыв. правовой охраны труда) положение оказывается нередко крайне печально. О массовом нарушении законодательства о рабочем времени, о широкой и часто откровенно незаконной практике сверхурочных работ я уже писал не раз. Шверник на недавнем пленуме ВЦСПС говорил об этом бедствии открыто: «Одним из самых неблагоприятных участков, где больше всего нарушается трудовое законодательство, является злоупотребления сверхурочными работами и работами в выходные дни». Шверник подчеркнул при этом, что все это совершается при «попустительском отношении профессиональных союзов» («Труд» от 16-го мая). Но гораздо красочнее о том же явлении говорил на пленуме председатель ЦК союза рабочих тяжелого машиностроения Стриевский. В виде «примера» он привел следующий случай:

«На Ижевском заводе — я только несколько дней оттуда — технический директор принуждал рабочих ра-

*) Статья вторая. См. «С. В.» № 11 (391) от 12-го июня.

ботать сверхурочно, и когда рабочие заявляли, что устали, он отвечал: **«Идите под душ, облейте холодной водой и становитесь на рабочее место»**. Но ни цехком, ни завком, ни партийные организации не били по рукам такого самодура» («Труд» от 6-го мая).

Сегодняшнее возмущение Стривевского, правда, немногого стоит. Этот прожженный бюрократ, 8 лет активно разрушавший профдвижение, — сначала в качестве председателя Московского совпрофа (после разгрома Томского и его школы), а затем в качестве председателя ЦК союза, — давно уже привык смотреть начальству в рот и восторгаться и негодовать по указке. Поэтому понятно, что возмущение Стривевского само по себе не заражает. Но поразительно, что и потрясающий факт, о котором он рассказал, повидимому, не произвел большого впечатления на аудиторию. Такие факты уже не удивляют; они нередко входят в обиход; с ними свыкаются. И это, может быть, самое худшее.

Недавно «За Индустриализацию» сообщила — попутно, не придавая своему сообщению большого значения, — о еще гораздо более возмутительном факте из аналогичной области:

«На заводе (речь идет о Харьковском станкостроительном заводе им. Молотова. — С. Ш.) в прошлом году широко применялись сверхурочные работы для выполнения программы. Сейчас формально сверхурочные запрещены (по соображениям «финансовой дисциплины». — С. Ш.). Но вот на что мы наткнулись в цехе крупных деталей. Только на днях, 11-го марта, большая группа рабочих (около 30 человек) была оставлена на сверхурочные работы. **Некоторые товарищи работали сутки, не выходя из цеха.** Товарищи Пойдо, Чернов и Касьянов после окончания обычного рабочего дня были оставлены еще на 14 часов. Даже кладовщица Антипова, которая должна со дня-на-день уйти в декретный отпуск по беременности, была оставлена после работы, и только после долгих просьб ей удалось **поработать лишь 7 часов сверхурочно**» («За Индустриализацию» от 17-го марта).

Это действительно жуткая картина: беременную работницу на седьмом месяце беременности заставляют работать сверхурочно и только «после долгих просьб» ей, наконец, удается умолить свое «коммунистическое» начальство отпустить ее после отработки двух смен домой. Но, к сожалению, даже и этот случай не является чем-то беспримерным. Почти одновременно в «Труде» появилось сообщение о еще более жуткой практике: о работах беременных под землей и при этом в ночных сменах. Кстати, бесполезно напомнить, что Советский Союз является единственной страной в Европе, где до сих пор широко применяется ночной труд женщин, и единственной страной в мире с широким применением женского труда под землей. Но об этих «наших достижениях» советские делегаты почему-то скромно молчали в Женеве. Вернемся, однако, к «Труду». Сообщение о работе беременных под землей дошло до нас почти случайно. Мы, может быть, до сих пор ничего бы об этом не знали, если бы одна из жертв этой практики, Татьяна Крештопова, работающая мотористкой в шахте «Журицкий комплект», не обратилась с письмом в редакцию «Труда»:

«...Сейчас у меня седьмой месяц беременности. Но на шахте лишают меня законных льгот. Тяжело мне **работать в шахте, а на поверхность не переводят, более легкой работы не дают.** Начальнику участка Самсонову я жаловалась, что когда не работает лебедка, меня **заставляют грузить породу.** «Ничего, выдержишь», — ответил Самсонов. 26-го января меня перевели мотористкой на штольню, подчиненную тому же Самсонову. Условия стали еще хуже, уклон большой, тяжело выбираться и холод донимает.

Я просила Самсонова перевести меня мотористкой на поверхность. Самсонов пригрозил: **«Не пойдешь работать на уклон, выгоню за прогул»**. Ходила я жаловаться председателю шахткома т. Зарыпову. Он дал бумаж-

ку, а толку никакого. Забойщики Курмаев и другие, работающие со мною, обращали внимание Самсонова, что мне тяжело работать под землей, к тому же **в ночных сменах.** Самсонов ответил: «Ничего, немного ей осталось до декретного». В таком положении не только я; моя подруга мотористка Астахова также работала под землей до последнего дня ухода в декретный».

Редакция «Труда» проверила сообщение Крештоповой. Результаты этой проверки превзошли самые худшие ожидания. «В **ыяснилось, что из 20 других беременных (на шахте) 12 тоже не пользуются льготами**». Об этом хорошо известно местной прокуратуре, но она смотрит на все сквозь пальцы:

«С ноября у него (прокурора) лежат без движения переданные ему инспектором труда т. Колтуновым дела беременных работниц Кузьминой, Буйновой, Варфоломеевой, уволенных за «прогулы». Никто к ответственности не привлечен» («Труд» от 28-го февраля).

Дальше, пожалуй, уже некуда идти. И пусть не пытаются присяжные апологеты сталинского самовластья ослабить значение приведенных выше фактов трусливой болтовней о том, что факты эти не всеобщие и не характерны. Ну, конечно, не всеобщие. Этого еще не хватало. Конечно, есть очень много предприятий, где нарушение трудового законодательства не принимает таких чудовищных форм. Но не характерны? не типичны? Это уже неправда. Или, может быть, кто-либо решится утверждать, что эти возмутительные факты носят случайный характер, что они не уходят глубоко корнями в почву сталинского псевдо-социализма?

Такого рода характерных для всей системы современной советской государственности нарушений элементарных прав и жизненных интересов рабочих множество. И хотя в печать проникают сведения лишь о ничтожной доле этих фактов, я мог бы для любой области охраны труда привести по советской печати немало типичных примеров грубейших правонарушений.

К сожалению, рамки этой статьи вынуждают меня от этого отказаться. Для характеристики современного состояния дела охраны труда в Советском Союзе я остановлюсь лишь — да и то вкратце — на инспекции труда, на обязанности которой лежит контроль за соблюдением трудового законодательства. Что осталось от этого контроля да и что в сущности осталось от инспекции труда?! Когда-то французский ученый-палеонтолог (Кювье) высказал гордую мысль, что по одной кости ископаемого животного он беретя восстановить скелет его. С гораздо большим правом будущий историк рабочего класса в России сможет по жалкому состоянию инспекции труда в стране великого Сталина восстановить подлинную картину социально-политической действительности на 20-ом году российской революции.

С инспекцией труда не считаются, предписания инспекторов игнорируют, иногда с ними просто отказываются разговаривать. Когда инспектора труда приходят со своими законными жалобами к хозяйственникам, им грубо заявляют: «Вы занимаетесь бюрократизмом и не помогаете нам работать» (трест Снежинантрацит), или и того хуже: «**О свободи кабинет и не мешай работать**» (шахта № 9 того же треста) («Труд» от 12-го февраля). Бывает и так, что директор предприятия, отказываясь разговаривать с инспектором, одновременно запрещает своему аппарату принимать от инспектора акты о нарушении трудового законодательства, а «в ЦК (союза) беспомощно разводят руками, не зная, что предпринять» («Труд» от 4-го апреля). Если инспектор труда проявляет твердость и настаивает на устранении обнаруженных им

правонарушений, он наталкивается нередко не только на отпор со стороны хозяйственников, но и на решительное сопротивление со стороны союза, руководители которого поставили себе за правило, «несмотря ни на что, сохранять сь директорами предприятый добрососедские отношения». Этот принцип очень строго проводится, напр., в ЦК союза швейников Юга. И как проводится! Инспектор труда этого союза после многих попыток добиться устранения ряда правонарушений на Харьковской фабрике им. Тинякова передает, по соглашению с секретарем ЦК союза, дело в суд. Сообщение об этом появляется в местной газете. Директор фабрики рвет и мечет и звонит председателю ЦК союза. Тот полностью разделяет возмущение директора и вызывает к себе инспектора труда «на расправу». Но представим лучше слово корреспонденту «Труда»:

«В кабинете председателя ЦК разыгралась безобразная сцена.

Маргулис (председ. ЦК): Как смеешь ты без моего ведома передавать в суд на директора, который руководит коллективом в пять тысяч человек? Твоего ли это ума дело?

Закутная (инспектор труда): Но я ведь поступила правильно. Кроме того вопрос согласован с секретарем ЦК тов. Фоминой.

Фомина (секретарь ЦК): Ничего ты со мной не согласовывала. Все это твое личное творчество. Безобразие!

Закутная: Но ведь это же нечестно. У нас дают санкцию, а как только вышли неприятности, вьнят стрелочника.

Маргулис: Это что за разговоры! Да знаешь ли ты, не будь ты членом партии, я бы тебя сегодня же вышвырнула из аппарата! («Труд» от 4-го апреля)*.

При таком беспорядке (и при очень низкой оплате труда инспекторов) состав инспектуры оказывается крайне неудовлетворительным. На это горько жаловался на пленуме ВЦСПС председатель ЦК союза металлургов Востока:

«Кто у нас работает инспекторами? У нас имеется только 5-6 человек, которые соответствуют своему назначению. **Большую часть инспекторами работают у нас люди случайные.** Еще хуже обстоит дело с санитарными инспекторами. У нас есть только два санитарных врача: на Магнитогорском заводе и в ЦК союза. На всех остальных предприятиях черной металлургии Востока **санитарными инспекторами работают фельдшера.** Ясно, что они не разбираются в промышленной санитарии» («Труд» от 6-го мая).

О том же союзе недавно сообщалось в «Труде», что среди 21 технического инспектора союза всего 8 инженеров, что из 27 правовых инспекторов «ни один не имеет специальной подготовки». «Еще хуже обстоит дело на предприятиях деревообработки и лесопромышленности восточных районов: три четверти инспекторов здесь просто малограмотные люди» («Труд» от 9-го апреля).

Процесс умирания инспекции труда — т. е. в конечном счете процесс умирания охраны труда в широком смысле слова — нашел свое наиболее яркое выражение в отчетливой тенденции к ликвидации инспекции труда. Эта тенденция наметилась еще года три назад. Унаследованную им от Наркомтруда инспекцию труда сталинско-шверниковский ВЦСПС почти с самого начала ощущал как обузу. И «инспекцию труда попросту ликвидировали, слив два отдела — отдел производства и зарплаты и отдел инспекции труда — в одну так называемую контрольно-плановую группу». Но это было только начало. В рамках контрольно-

* Обо всем этом мы, вероятно, ничего бы не узнали и директор фабрики мог бы праздновать победу, если бы вскоре не обнаружилось, что директор — «троцкист» и «враг народа».

Поступили в продажу в конторе «Соц. Вестника»

НОВЫЕ БРОШЮРЫ :

L'Internationale et la Guerre

Thèses de Otto Bauer, Théodore Dan, Amédée Dunois et Jean Zyromski

préfacées par Fr. Adler et suivies d'une lettre de H. N. Brailsford

Sté d'Editions «Nouveau Prométhée»

Paris 1935. Prix : frs 1.50

Die Internationale und der Krieg

Von Otto Bauer, Theodor Dan und Jean Zyromski

mit einem Vorwort von Friedrich Adler und einer Erklärung von H. N. Brailsford

Wien 1935. Preis : frs 1.50

плановой группы инспекция все же как-то существовала и — медленно умирала. Прежде всего ее «освободили» от так назыв. предупредительного надзора: «предупредительный надзор за вновь строящимися предприятиями по распоряжению бывш. заведующего инспекцией труда Цыбульского был ликвидирован». Ограничение задач инспекции труда на этом не остановилось. В конце 1935 г. заведующий охраной труда ВЦСПС Полонский выступил со своим объявленным сейчас еретическим докладом, основной идеей которого была мысль о передаче охраны труда в ведение хозяйственников. В частности:

«Ликвидировать нужно также отжившую практику согласования всякого рода вопросов о сверхурочных. **Наши директора сами имеют право решать вопрос, нужны им сверхурочные или не нужны, за полной своей ответственностью**» («Труд» от 24-го марта).

Формально так далеко дело не зашло. Но фактически это и была генеральная линия ВЦСПС в вопросах охраны труда почти до самого последнего времени, а некоторые союзы, забегая несколько вперед, приступили к ликвидации инспекции труда и формально. Так поступил, напр., ЦК союза железнодорожников Центра, постановивший в мае 1936 г. передать техническую и санитарную инспекцию в НКПС (об этом подробно говорил на пленуме ВЦСПС Шверник). Так же поступил и ЦК союза угольщиков Юга, передавший горнотехническую инспекцию в хозяйственные органы. Результат получился чудовишный. В июле прошлого года горнотехнические инспектора были лишены в Донбассе права запрещать работы в шахтах «даже в случаях смертельной опасности для рабочих». За инспекторами труда было лишь сохранено право ходатайствовать по инстанциям об устранении замеченных ими недостатков. Лежащую в основе этой практики идею с цинической наивностью выразил в состоявшейся летом прошлого года в Сталино конференции по технике безопасности начальник Донбассугля Бажанов: «В области техники безопасности хозяй-

ственники обойдутся и без горнотехнических инспекторов» («Труд» от 3-го апреля). К чему все это должно было привести и действительно очень скоро привело, достаточно известно, как ни стараются сейчас сталинские молодчики взвалить ответственность за неизбежные последствия этой сталинской и их политики на злополучных троцкистских и прочих «вредителей».

Сейчас даже «Труд» проговаривается, что в сущно-

сти «перед профсоюзами стоит задача — заново создать настоящую, вполне квалифицированную, проверенную инспекцию труда» («Труд» от 9-го апреля). Споры нет: задача эта громадной важности. Но для решения ее нужно прежде всего превратить союзы из мертвых бюрократических канцелярий в органы живой и свободной самодеятельности рабочих масс. В этом ключ к разрешению кризиса охраны труда.

Ф. ДАН.

„БЛЮМ К ВЛАСТИ!“

Народный Фронт во Франции потерпел первое поражение: безрассудно и вредно скрывать, что поражением его была отставка правительства Блюма.

Формально кабинет Блюма пал, наткнувшись на неодолимое сопротивление сената тем чрезвычайным полномочиям, которых Леон Блюм и его министр финансов, Вэнсен Ориоль, требовали для преодоления острых финансовых и бюджетных затруднений. В действительности кабинет свалился потому, что был не в состоянии пробить «денежную стену», воздвигнутую вокруг него магнатами финансового и промышленного капитала, которые систематически душили его и саботировали всю экономическую жизнь страны искусственным вздуванием цен на товары и обесценением государственных бумаг, «бегством от франка» в иностранную валюту и переводом громадных капиталов за границу, провоцированием конфликтов с рабочими и сеянием паники среди мелкой буржуазии, городской и крестьянской, и которые нашли себе верных политических выразителей в сенатском большинстве. «Двести семей», если употребить этот, во многих отношениях мало удачный термин, пущенный в ход коммунистами, не смогли разгромить Народный Фронт; но им удалось свалить ненавистного им Леона Блюма, вырвать руководство правительством Народного Фронта из социалистических рук и тем пробить в твердыне Народного Фронта первую брешь. Падение кабинета Блюма — их победа.

Эта победа не окончательная. Брешь может быть заделана. Усовершенствовав свое вооружение и методы своей стратегии, Народный Фронт может начать новое наступление и поставить на колени сегодняшних «победителей». Но для того, чтобы это было возможно, первая задача пролетарского социализма, этого инициатора и естественного возглавителя движения Народного Фронта, состоит в том, чтобы без паники, без разочарования, без пессимизма, но и без иллюзий, с полной трезвостью уяснить себе и причины понесенного поражения, и условия возможного реванша и конечной победы.

Можно сказать, что понесенное поражение лишь еще раз напоминает о тех пределах, какие ставят реформаторской деятельности Народного Фронта рамки непоколебленного еще капиталистического строя, в которых Народному Фронту приходится действовать. В своем общем виде это положение, разумеется, верно. Но оно неверно, если им хотят объяснить конкретный случай падения кабинета Блюма. И оно становится вредным, если на основе его складывается фаталистическое представление, что достигнут предел, его же не преидеши, что французский Народный Фронт свершил уже в пределах земных все земное, и что отныне остается лишь защищать неприкосновенность тех грандиозных реформ, которые ему удалось осуществить за один год, и

содействовать «усвоению» этих реформ, или же — немедленно «делать революцию».

Непоколебленность капиталистического строя ставит, конечно, известные пределы реформам, затрагивающим интересы того привилегированного слоя, в руках которого этот строй сосредоточивает основные рычаги воздействия на экономическую, а потому и на социальную, политическую и культурную жизнь страны. Но достигнуты-ли уже эти пределы? Можно не без основания усомниться в этом, если вспомнить, что некоторые мероприятия не зараженного никаким социализмом правительства Рузвельта гораздо резче врезались в сферу интересов финансового и промышленного капитала (в Америке куда более могущественного, чем во Франции!), чем все до сих пор проведенные Народным Фронтом реформы и все те меры, которые кабинет Блюма имел в виду провести на основании затребованных им полномочий и которые, сколько можно судить по сообщениям печати, сводились, в основном, к усилению обложения крупных доходов, к принудительному помещению части свободных капиталов во французские ценности и к мерам репрессии против утечки золота за границу.

Нет, правительство Блюма пало не потому, что оказались уже исчерпанными все возможности реформаторской работы Народного Фронта в рамках капитализма, и что те меры, которые оно имело в виду предпринять на основе чрезвычайных полномочий, означали бы «низвержение капитализма» и начало «социальной революции» пролетариата! Но напоминание об этих рамках имеет тот смысл, что оно напоминает об анти-капиталистических перспективах Народного Фронта, напоминает о том, что, лишь пробивая брешь за брешью в той «денежной стене», которою держится капитализм, и ориентируясь в конечном счете на преодоление капиталистического строя, может Народный Фронт, удовлетворяя экономические и социальные интересы пролетариата и непролетарских трудящихся классов города и деревни, сплотить широчайшие массы для осуществления той политической задачи защиты демократии против фашизма, во имя которой он возник.

Эту истину не за чем скрывать. Классовое чутье магнатов капитала слишком остро, чтобы они ее не знали и не понимали; и сколько бы ни притворялся Народный Фронт, что он хочет не только начаться, но и кончиться в рамках капитализма, капиталисты будут воевать с ним не на жизнь, а на смерть — не потому, что он уже сегодня опрокидывает устой капитализма, а потому, что, живя и развиваясь, он не может не подготавливать его крушения завтра. Но эту истину и опасаю скрывать, потому что, не обманывая врагов Народного Фронта, ее сокрытие неизбежно вводит в заблуждение его друзей, рождая в них иллюзию, будто компромиссами и уступками враждебным массовому дви-

жению силам Народный Фронт может добиться того права на жизнь, которое он на деле может завоевывать лишь упорной и непрестанной борьбой, в непрерывном контакте с массовыми организациями трудящихся и с массовым движением их.

Все это было совершенно ясно, при возникновении Народного Фронта, всем его создателям и участникам. Им было ясно, что коренное отличие Народного Фронта от традиционного для Франции избирательного и парламентского «картеля» в том и заключается, что в случае Народного Фронта избирательное и парламентское соглашение партий и групп является лишь оболочкой и выражением того действительного «соглашения» между всеми трудящимися классами против капиталистической олигархии, того анти-капиталистического массового движения, которое стихийно возникло после первой открытой атаки фашизма на республиканскую демократию, отбило эту атаку и спасло Францию от участи Италии и Германии. Им было ясно поэтому, что правительство Народного Фронта, и действуя в рамках республиканской конституции и республиканской легальности, все же должно быть и не может не быть «правительством масс», «н е т а к и м» правительством, какими были все республиканские правительства до него. А между тем ход и исход правительственного кризиса дали «Тан», органу магнатов капитала, некоторое основание с злобным торжеством отметить, как самый важный вывод из этого кризиса, именно то, что правительство Блюма оказалось, в конце концов, «т а к и м ж е», как другие, как все его предшественники, пришедшие к власти и уходившие от нее единственно в силу правил «парламентской игры»...

Как же это случилось?

Поставить этот вопрос отнюдь не значит приступить к собиранию материала для обвинительного акта против первого правительства Народного Фронта. Нет, это правительство приобрело право на вечную славу и на горячую благодарность всего трудящегося человечества и всех сторонников прогресса и свободы своей, беспримерной по энергии и размаху, работой, в корне изменившей все условия труда, быта, социального самочувствия трудящихся классов Франции и вместе с тем социально-политический «климат» всей страны. Предметом гордости всего международного социализма будет, что эта гигантская работа направлялась и руководилась социалистической партией и ее славным вождем, который лишь на трудном посту главы правительства показал всю меру своего таланта, своего острого интеллекта, своей проницательности, своего непоколебимого мужества и своей непревзойденной преданности делу рабочего класса и его социалистическому идеалу. Имя Леона Блюма навсегда заняло одно из самых почетных мест в летописи международного социализма, как и в летописи международной борьбы за столь грубо попираемые в нашу эпоху «права человека» и «гражданина».

Нет, спросить: как это случилось? — значит поставить вопрос о причинах, по которым, несмотря на всю проявленную им энергию, проницательность и талант, правительство Блюма все же понесло поражение, отдать себе отчет в размерах этого поражения и способах сделать его преддверием новых побед.

При самом образовании правительства Блюма 11 месяцев тому назад мы отмечали те трудности положения, в которое оно с самого начала было поставлено.

Эти трудности вытекали, прежде всего, из м е ж д у н а р о д н о й с и т у а ц и и. В обстановке все нарастающей военной угрозы Блюму приходилось считаться с тем наследием, какое оставили ему в этой области его

предшественники, всю свою внешнюю политику строившие на капитуляции перед консервативным правительством Англии и на совершенно иллюзорном представлении о якобы непримиримом антагонизме, порождаемом между германским и итальянским фашизмом их средне- и юго-восточной европейской политикой. Блюм не успел сколько-нибудь основательно подготовить пересмотр этой внешней политики Франции, как грянула и испанская буря, потребовавшая немедленных и крайне ответственных решений. В наличной обстановке эти решения свелись к отказу от предпринятой было организации широкой помощи испанскому Народному Фронту, столь естественной для Народного Фронта французского, и к провозглашению внутренне порочной и противоречивой политики так наз. н е в м е ш а т е л ь с т в а. Политика эта, открыто объявленная вначале вынужденной и временной уступкой обстоятельствам, тем больше превращалась в якобы специфическую для Народного Фронта «политику мира», чем более сама она обостряла и приближала военную опасность, в обстановке которой возникла. Возрастающая же военная опасность все более ставила внешнюю политику Франции в зависимость от английского консерватизма и приводила и внутри страны к такому положению, когда массовые движения, этот источник и опора Народного Фронта стали казаться — да в рамках принятой внешней политики и действительно были — «опасными» с точки зрения «борьбы за мир». Политика «невмешательства» оказалась первой пробойной в гордом корабле Народного Фронта.

Было бы с полбеды, если бы политика невмешательства была уступкой лишь внешнему давлению. Но и все внутренние враги Народного Фронта сейчас же почувствовали, где находится его слабое место, и постарались обходным, якобы внешне-политическим маневром, ударить по этому месту. Они воспользовались естественным консерватизмом радикалов в вопросах внешней политики. Они умело эксплуатировали сохранившийся после пережитых двадцать лет тому назад испытаний панический страх перед новой войной, господствующий в крестьянстве, городском мещанстве и даже в широчайших массах рабочего класса, значительная часть которого, вопреки всем крикам: «аэропланы для Испании!», проникнута глубочайшим, абсолютным «пацифизмом». Политика «невмешательства» стала для них не только адекватным выражением их собственной внешне-политической линии и социальных симпатий, но и, прежде всего и больше всего, орудием пропаганды «успокоения» масс, как «патриотического» долга, как повелительного требования «спасения мира». Требуя «успокоения» масс якобы во имя внешне-политических интересов Франции, они хорошо сознавали, что тем самым расшатывают внутренне-политический фундамент Народного Фронта и готовят успешность своей атаки на него. Между внешней и внутренней политикой разрыва быть не может...

Такая подрывная работа врагов Народного Фронта, естественно, облегчалась и некоторыми сторонами самого массового движения. В ходе и в результате бурного стихийного движения, вынесшего к власти правительство Народного Фронта, сотни тысяч рабочих хлынули в пролетарские партии, миллионы — в профессиональные союзы. Но эта, еле родившаяся, «организованность» не могла, разумеется, одним ударом превратить рабочие массы в дисциплинированную, по плану, в порядке продуманной политической и профессиональной стратегии действующую армию. «Экспессы» были и остаются неизбежны в этом могучем рабочем движении, нетерпеливо старающемся наверстать все, незавоеванное в предшествующие десятилетия и утерянное в годы кри-

зиса, и этими «эксцессами» опять-таки умело пользовались все враги Народного Фронта, чтобы, напугав городских мещан, крестьян и всех мелких собственников биржевой и финансовой паникой, пугать их грозящей им якобы со стороны рабочего движения «экспроприацией».

Так создалось внешне- и внутренне-политическое положение, при котором (дополнительную роль сыграла тут выставка, от которой вся мелкая буржуазия ждет золотого дождя!) в тот самый момент, когда крупный капитал начал решительную атаку на правительство Леона Блюма, правительство это само вынуждено было провозгласить «паузу». Но «пауза» — неподходящая почва для жизни Народного Фронта. Закон его жизни — движение, пусть медленное, планомерное, осторожное, но непрерывное движение вперед. «Пауза» лишила Народный Фронт возможности не только развивать и стимулировать, но хотя бы поддерживать массовое движение на сколько-нибудь высоком уровне. Вместо того, чтобы развивать перед лицом наступающего капитала энергичную агитацию в массах, в первую очередь в мещанских и крестьянских массах, особенно доступных воздействию капитала, и будить в них «священное беспокойство», Народный Фронт сам вынужден был призывать массы к «спокойствию», обезоруживая себя и облегчая усиленный натиск врага.

Своего рода «демобилизация» масс — вот конечная причина успеха операции против правительства Блюма, задуманной крупным капиталом и осуществленной руками сената. И вот причина, по которой социалистической партии пришлось примириться не только с уходом в отставку Блюма, но и с передачей руководства новым правительством Народного Фронта в руки радикалов. Если ситуация не такова, чтобы можно было непосредственно звать массы «на улицу», — а сегодня во Франции она не такова, — то нельзя «в 24 часа» импровизировать новую мобилизацию в течение недель и месяцев демобилизуемых масс. С этим пришлось считаться Национальному Совету социалистической партии, когда он, явно в разрез со своими чувствами и настроениями, большинством в три четверти голосов одобрил участие социалистов в правительстве, образованном Шотаном...

Условия, поставленные Национальным Советом для участия социалистов в кабинете Шотана, обеспечили и за этим кабинетом характер «правительства Народного Фронта». Оно обязалось действовать в рамках и на основе программы Народного Фронта, опираться на парламентское большинство, составленное партиями Народного Фронта, не вводить в свою среду парламентариев, участвовавших в сенатской интриге против Блюма, сохранять и дальше развивать социальные реформы, проведенные правительством Блюма.

Да, и по составу, и по своей программе, и по стоящему за ним большинству правительство Шотана остается «правительством Народного Фронта». Но было бы самообманом закрывать глаза на то, что новое правительство отмечает начало крена от Народного Фронта к «картелю». Этот крен сказывается не только в том, что экономические и финансовые мероприятия Шотана и его министра финансов Жоржа Боннэ будут, очевидно, гораздо более «по вкусу» магнатам капитала, чем те меры, которые проектировали Блюм и Венсен-Ориоль. Он больше всего сказывается в том, что «успокоение» масс, мыслившееся Блюмом, как тактическая «пауза», приобретает принципиальный характер в программах заявлениях нового главы правительства, сказавшего, что «продолжать осуществление программы Народного Фронта» он хочет

«в атмосфере гражданского мира, труда и примирения двух палат», т. е., если вскрыть истинный смысл этих слов, в атмосфере, в которой программа Народного Фронта осуществлена быть не может и в которой сам Народный Фронт должен неизбежно зачахнуть. Правительство Шотана есть первый шаг к превращению правительства Народного Фронта в «такие-же» правительства «левого картеля», и вряд ли случайно употреблено Шотаном в том же программном заявлении выражение «Республиканский Фронт» вместо Фронта Народного: это выражение невольно вызывает в памяти ту «республиканскую концентрацию», которую так часто и так бесславно кончали столь многие «такие-же» правительства картеля...

Но надо помнить: времена теперь не такие, когда попятная эволюция «картеля» могла бы задержаться на рубеже «республиканской концентрации», т. е. мирного компромисса между мелкой и крупной буржуазией против пролетариата и мирного возврата непролетарских трудящихся классов под ферулу крупного капитала. Грозная международная обстановка, декаданс капитализма, победа фашизма в ряде стран и наступление его во Франции, с одной стороны, крайнее обострение социальных антагонизмов и необычайное повышение социального самочувствия трудящихся масс и, прежде всего, рабочих масс, сумевших создать Народный Фронт и под его знаменем отбить атаку фашизма, сделать огромные социально-политические, культурные и организационные завоевания, с другой, — создают такую накаленную атмосферу, в которой только применением открытой силы можно было бы задержать стремительный порыв масс вперед, к новым завоеваниям и к новым победам с полным социальным освобождением в перспективе. Но такое применение открытой силы было бы не по плечу парламентской «республиканской концентрации». Оно оказалось бы по плечу лишь тому же фашизму, который в феврале 34 года уже чуть не вырвал власть из рук правительства картеля и который теперь, как нетерпеливый наследник, ждет смерти Народного Фронта через перерождение его в «картель» и через картель в «республиканскую концентрацию».

Не допустить этого перерождения можно только, вдохнув новую жизнь в Народный Фронт, т. е. привести его от смертоносного для него «успокоения» к новому движению вперед, и притом движению, все больше направленному на социалистический прорыв «денежной стены» капитализма, а вместе с тем и на коренное преобразование всего экономического и социального строя.

Когда народные массы Парижа и провинции бурными возгласами «Блюм к власти» и «Шотан в отставку» протестовали против произошедшей смены правительства, они обнаружили поразительное чутье — не только в смысле понимания природы тех социальных сил, которые руками сената свалили Блюма, но и понимания социально-политической природы самого Народного Фронта. Правительство Народного Фронта не может возглавляться радикалом — не потому, что радикалы, избранники мелкой городской буржуазии и крестьянства, являются в нем какими-то бедными родственниками или гражданами второго разряда, а просто потому, что не фикцией, а реальностью Народный Фронт может быть лишь в том случае, если он проникнут массовым динамизмом и социалистической целеустремленностью, если он является политическим выражением готовности мелкой буржуазии и крестьянства, удушаемых кризисом безудержно разла-

гающегося капитализма, искать спасения не в тупике фашизма, куда увлекает их капиталистическая буржуазия, а на широких путях социально-революционного преобразования, куда зовет их пролетариат. Только при возглавлении пролетариатом исторически возможно поэтому действительное, а не мнимое существование Народного Фронта и его жизнедеятельность. «Блюм к власти!» — это не «эгоистическое» требование социалистической партии. Это — веление исторического разума, диктуемое трудящимся массам всеми условиями их борьбы против фашизма и, в лице фашизма, против упадочного капитализма, грозящего увлечь за собою в пропасть и всесветный мир, и всесветную человеческую цивилизацию.

Но придти снова к власти и тем вдохнуть новую жизнь в Народный Фронт социалистический «Блюм» может лишь на основе дальнейшего расширения программы Народного Фронта в анти-капиталистическом направлении и лишь на плечах возрожденного массового движения. И только что опубликованный проект резолюции, предлагаемый Леоном Блюмом и Полем Фором предстоящему вскоре Марсельскому конгрессу, свидетельствует, что вожди французской социалистической партии вполне ясно понимают стоящие перед партией и рабочим классом задачи.

Обстановка еще вполне благоприятна для выполнения этой задачи. Грандиозная реформаторская работа правительства Народного Фронта «под социалистическим руководством» оставила неизгладимый след не только во всем укладе французской социально-политической жизни, но и в сердцах широчайших трудящихся масс. Бурная реакция не только рабочих, но и крестьянских масс на отставку Блюма, как и оглушительный провал фашистского агента крупного капитала, экс-коммуниста и «почетного красноармейца» Дорио, на выборах в Сэн-Дени, свидетельствуют о том, что привязанность пролетарских и не-пролетарских трудящихся масс к Народному Фронту и его социалистическому возглавлению и вера в его мощь и его возможности, не поколеблены. Социализм может опереться на эти массовые настроения, чтобы снова привести «Блюма к власти».

ПАРТИННАЯ ТРИБУНА

К ВОПРОСУ О ВОЙНЕ И СОЦИАЛИЗМЕ.

В статье: «Еще раз: социализм и война» Ф. И. Дан призывает к активизации теоретической разработки этого вопроса социалистической мыслью, так как «именно сейчас военная опасность нарастает с каждым часом».

Разделяя его мнение об острой актуальности вопроса, как и об опасности отсутствия системы взглядов и программы действий в этом вопросе, я тоже считаю нужным вернуться к этому вопросу. Тем более, что как раз принадлежу к числу тех «некоторых товарищей», которые считают, что, «отвергая войну, следует предупредить, или, по крайней мере, оборвать ее пролетарской революцией».

Тов. Дан говорит далее, что такой ответ имеет свою принципиальную ценность, намечая **направление** в борьбе против войны, но что он не дает практически-политического разрешения вопроса.

Я же, наоборот, приобретаю все большую уверенность, что такой ответ не только определяет **направление** в борьбе против войны, но определяет и все ее **содержание** и, таким образом, становится **единственно-возможным** практическим и политическим ответом на этот вопрос. И это тем более, что тов. Дан считает такое решение вопроса «единственным способом навсегда положить конец варварству войны». Но он, и это в определенных частных случаях верно, считает свойственным сторонникам этой точки зрения догматическое «делание революции по заказу». Я думаю, что в нашей партии опасность впадения в такой «уклон» наименее велика. Но

Конечно, на этом пути и, в частности, на пути новой, организованной и планомерной, мобилизации массовой энергии стоят великие трудности, которые и отмечает проект резолюции Блюма и Форы. Эти трудности создаются международным положением. Они вытекают из разнопартийного состава руководства Народного Фронта. Их создает самый характер взаимоотношений между пролетариатом и не-пролетарскими трудящимися классами, требующий от рабочего авангарда немало «благоразумия» и самодисциплины, чтобы через чур стремительным движением вперед не оторваться от основных массовых сил Народного Фронта и не дать тем фашизму желанной возможности, разбив на голову изолированный пролетарский передовой отряд, деморализовать и взять в плен всю мелкобуржуазную армию Народного Фронта. Трудности не в малой мере нагромождает и двусмысленное поведение коммунистической партии, которая, будучи пролетарской по своему составу, является в лице своего возглавления лишь агентурой Сталина во Франции и потому отражает в своей политике все зигзаги и противоречия сталинской политики, гибельность которой для дела свободы и социализма и в Советском Союзе, и во всем мире становится изо дня в день все очевиднее*).

Да, трудности велики. Но они могут быть преодолены и они должны быть преодолены. Ибо без их преодоления спасения нет. Кабинет «Народного Фронта под радикальным руководством», по самой природе Народного Фронта, может быть лишь переходным эпизодом, лишь вехой на перекрестке исторических дорог, одна из которых ведет к власти фашизм, другая — «Блюма». И нужно ли говорить, что общим лозунгом не только французского пролетариата и французских трудящихся масс, но пролетариата и трудящихся масс всего мира, может быть лишь один: «Блюм к власти!»

*) Двусмысленная политика французских коммунистов, вопреки их голосованию в палате все время подрывавшая работу правительства Блюма, облегчавшая атаку реакции на него и содействовавшая в дни кризиса его падению (достаточно напомнить, что в эти дни у ЦО компартии, «Оманитэ», не нашлось ни одного слова критики по адресу сената и ни одного слова поддержки Блюму!), — это особая и большая тема, к которой придется еще вернуться.

должен заметить, что усиленное отрицание возможности сделать революцию по заказу может привести, и приводит, к не менее опасному и догматическому впадению в уклон противоположный, т. е. к понятию, что революция придет само-теком. Если первое упирается в путчизм, то второе приводит к фатализму. Марксистский анализ диалектического процесса революции и исторический детерминизм «делания истории людьми» только и дают нам единственно-правильную позицию в этом вопросе.

Яснее выражаясь, — если революция есть бурный, стихийный процесс, подготовляемый **сочетанием** тысяч факторов и не могущий быть «сделанным по заказу», то это отнюдь не означает того, что, не предвещая часа «Н», мы не можем и не должны готовить некоторые (в значительной степени решающие) факторы, доступные нашему воздействию. Ведь весь смысл и оправдание нашей деятельности заключаются в политико-экономической организации и воспитании рабочего класса, т. е. как раз в подготовке тех факторов, отсутствие или слабость которых в непредвидимый час революции могут извратить ее ход и исход, если не сделать ее просто выкидышем истории. Если повседневная политика рабочего движения будет проникнута и направлена глубоким и ясным пониманием **смысла и значения** задач, которые ставит перед ним история, то мы можем спокойно созерцать накопление и игру переплетающихся «неизвестных» революций. И это тем более, что диалектическое их перевоплощение будет делать все большую часть их доступными нашему учету и воздействию в прямой пропорции с приближением часа

революции. Я думаю, что в этом мы не расходимся с тов. Даном и что никто не заподозрит нас в вульгарно-упрощенческом сведении вопроса к «вождям» и «директивам».

Но при отсутствии такого, основного, фактора революции не может быть и речи о революционной борьбе за власть, особенно в обстановке войны, ни о ее революционном завершении. Даже рассчитывая на революционизирующее влияние войны, можно обеспечить торжество революции лишь закладывая уже сейчас ее фундамент, создавая уже сейчас тот идейно-политический костяк, который в революционной обстановке будет естественно, само собой, обростать живым мясом революции.

«Тезисы четырех» хотят строить свою революционную позицию в случае войны реалистически, «на том, что есть», т. е. на нынешнем состоянии социалистического движения. Я постараюсь доказать, что, во-первых, состояние рабочего класса является сейчас более обнадеживающим в смысле возможности «впитывания» им революционно-марксистской политики. Я постараюсь доказать, во-вторых, что вне этого и при нынешнем идеологическом состоянии соц. движения политическая линия «тезисов» нереалистична и неизбежно повиснет в воздухе, если не будет идеологически использована для построения политики им как раз противоположной, т. е. политики «бургфридена».

Но, считая вместе с тов. Даном, что вопрос о войне не может быть для нас вопросом догмы, вопросом «незыблемого принципа», я постараюсь показать, что их, тезисов, «марксистский анализ» «меняющейся исторической обстановки», будучи сам по себе верным, неполон, односторонен и, с этой стороны, уязвим и может быть выгодно использован как раз тем, что они отрицают, т. е. «социал-патриотизмом».

**

Тов. Дан дает настолько полную, ясную и убедительную картину «загнивания» капиталистического общества и создаваемого этим обострения социальных противоречий, что нет нужды к этому возвращаться. Но, одновременно, мы наблюдаем и пробуждение энергии в рабочем классе. Свидетельство тому — огромные классовые движения и бои, которые дал и дает рабочий класс Европы и Америки. Покуда они идут в русле экономической борьбы, но можно ли отделить экономическое от политического в социальной борьбе? Кто может сказать, что экономический конфликт не перерастет в политический, особенно в нынешней «насыщенной» политической обстановке? Но мы присутствуем, одновременно, и при проявлениях революционного творчества масс. Не является ли им забастовка с оккупацией, которая все больше становится преобладающим методом всякой экономической борьбы рабочего класса? Зародившись где-то в глубине шахт не то Венгрии, не то Польши, как мера отчаянья, она быстро перенеслась в страны Европы и даже перекочевала за океан, где стала плодотворным методом классового самоутверждения американских рабочих. Ее не выдумали теоретики, ни даже практики рабочего движения, она вышла из недр рабочих масс и диктуется сегодняшними новыми условиями борьбы. Она не носит черт бунтарства, не влечет за собой «разрушение машин». Она, если угодно, переносит старый революционный дух бунта на сегодняшнюю новую, «высшую ступень» классово-сознательного, организованного «производителя», берегущего машины, как то, что завтра станет его достоянием, основой его труда и благополучия. Но этот метод борьбы, являясь методом экономического давления, носит в себе и все черты политического отрицания права собственности на орудия и средства производства. Кто может предсказать, какие из этих черт станут завтра преобладающими?

И не продвигает ли это путей к «экспроприации экспроприаторов», т. е. к революции? Пробужденные энергию и творчество рабочего класса нужно организовать, осветить революционным сознанием, пропитать целеустремленностью, а не разлагать и размывать на мелкую монету одних только узко-материальных требований. И этот фактор революции не только доступен нашему воздействию, но возлагает на нас прямую его обязанность. Работая в этом направлении, мы создаем предпосылки и «революционного предупреждения или, по крайней мере, обрывания войны», не говоря уже о том, что «и помимо войны у рабочего класса имеется достаточно оснований желать как можно скорее освободиться от капиталистической эксплуатации».

Испанская революция, наконец, воздействует на рабочий класс в том же направлении. В случае успешного своего завершения, она может открыть эпоху революционного брожения еще более мощного, чем то, которое вызвала русская революция. И это тем более вероятно, что рабочие массы будут видеть перед собой не обанкротившиеся национальные буржуазии, а буржуазию, все более фашизирующуюся и интернационализирующуюся. Но уже и теперь испанская революция является могучим революционным стимулом. Уже

теперь она проводит в каждой стране водораздел сил революции и контр-революции, открыто указывая рабочему классу его завтрашних врагов и давая ему возможность учесть свои и их силы.

**

Но и изучение внешней — к рабочему движению — исторически меняющейся обстановки приводит нас к тому же выводу, к предотвращению или к обрыванию войны революцией, как к единственно действительному выходу. Война, как метод разрешения противоречий капиталистического строя, и вся ее проблематика, конечно, меняются соответственно с развитием и изменением самого капиталистического общества. Но если Маркс мог признавать за некоторыми войнами прогрессивное начало, хотя они от того не переставали быть и варварскими и грабительскими, если, наоборот, революционный марксизм не мог признать такого начала ни за одной из воюющих стран в войне 14-18 годов, то бросается все же в глаза, что за обоими этими «военными политиками» стоят два различных критерия. Так, Маркс определял свою позицию **идеологическими соображениями**: разгром оплота реакции с результирующей победой начал демократии и прогресса, подчиняя этой положительной стороне отрицательную цель войны: грабеж.

Он мог занять такую позицию, поскольку это содействовало созданию необходимых для революции и социализма условий, в первую очередь организации класса «могильщика» капитализма. Он и не мог занять другой позиции, поскольку рабочее движение не было еще той политической силой, которая могла влиять на решение своего правительства в сторону войны или мира.

Так, революционный («циммервальдский») марксизм определял свою позицию соображениями об **экономических причинах и целях войны**, объединивших в одном лагере самые демократические капиталистические страны с самыми реакционно-феодальными для раздела и господства над миром, подчиняя этим реальным причинам и целям войны все могущее быть выдвинутыми идеологические соображения, как ложное прикрытие. Но всякая война носит характер экономический и идеологический. И никакая война не может обойтись без идеологии.

В войне 14-18 годов мы испытали на себе силу воздействия идеологической завесы ее. Почти все социалистические партии использовали идеологию марксистских времен для ведения войны друг против друга и все они проповедывали войну «до победного конца». Но ни одна из них не дезавуировала своего поведения впоследствии, когда уже все причины и цели войны были всем архизвестны. Наоборот, эта идеология угарных военных лет легла в «железный» фонд этих партий, и они готовы и завтра проводить ту же политику полностью.

Поэтому нам надо быть крайне осторожными во всем том, что может стать **идеологической оболочкой** могущей вспыхнуть новой войны. Уже теперь она намечается как война **фашизма и демократии**. Тов. Дан говорит, что сама фашистски-настроенная буржуазия может использовать эту идеологию в войне с фашистской или фашистскими странами. Но чтобы рабочий класс не дал себя увлечь этой обманной оболочкой, нужно уже теперь вскрыть, что за ней кроется. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать, что из себя представляет фашизм, этот новый исторический и политический фактор. Конечно, он прежде всего метод сохранения соц.-экономического господства капиталистического класса, который готов заплатить за это хозяйственным, политическим и культурным упадком общества. Но это еще не значит, что он готов отказаться от дальнейшего расширения своей хозяйственной деятельности. Если он и готов в критический момент принести в жертву фашизму свои политические и, даже, значительную часть своих экономических прерогатив и привилегий и перейти на чисто паразитическое положение, чуть ли не рванье, то это максимальная цена, которую он способен заплатить. Но это отнюдь не значит, что он не пытается сохранить максимум своих прав и что он не пытается приспособить фашистский режим к своим эксплуататорским интересам во вне. И, как раз в эти последние годы, мы наблюдаем, что фашистские режимы развиваются именно в этом направлении. Их обстановка тоталитарно-централистского террористического режима, сковывающая весь народ страхом, надзором и дисциплиной, является наиболее удобной для мобилизации всех материальных и физических ресурсов страны для осуществления империалистических воледействий господствующего класса.

Уже много раз, и самыми различными образами, пытались объяснить сущность фашизма, но что можно установить бесспорно так это то, что фашизм рос и победно утверждался до сих пор как раз в странах побежденных и наиболее разоренных в войне 14-18 гг. И это как раз те страны, которые толкались к войне наиболее агрессивными империалистиче-

скими интересами и которые и до войны были (в силу позднего своего развития) наиболее обездоленными в семье империалистических хищников. Их воинствующий империализм был сломлен в поражении. Цени мира, продиктованного победителями, должны были навечно заковать его новые проявления, что лишь способствовало пробуждению его в самых раздраженных болезненных формах. И фашизм победенных стран как раз и воплощает в себе этот болезненно-возбужденный империализм. Я считаю необходимым дополнить анализ, данный тов. Даном, этой чрезвычайно важной чертой.

Конечно, фашизм — это война, но это война не только для укрепления престижа или для отведения в русло шовинизма начинающихся бунтов масс. Война может преследовать и эти цели, но окончательно диктующей ее причиной и целью будет все же цель империалистической экспансии. Вряд ли кто-нибудь будет отрицать сегодня, что гитлеровская Германия вооружается до зубов не для или не только для, несения в другие страны фашизма на штыках. Ни для кого не секрет, что возжеленной целью Гитлера является как раз колонизация России и что даже все могущие вспыхнуть до того конфликты или захваты призваны лишь подготовить осуществление этой цели.

Итапо-абиссинская война, как и обстановка гражданской войны в Испании, могут только подтверждать эту гипотезу об империалистической сущности фашизма. В самом деле, разве не откровенно империалистические стремления толкали Италию к захвату Абиссинии? Разве недостаточно уже известна грубо-материальная, империалистическая подоплека столь активного вмешательства Италии и Германии в испанскую гражданскую войну, совместного вмешательства, не мешающего, однако, им стараться урвать друг у друга наиболее лакомый кусок?

Под знаменем борьбы с коммунизмом ведется коммерчески-договоренная поддержка Франко, что так убедительно разоблачают английские «Экономисты» и «Нью Стэйтсмен» и «Нэйшен». Конечно, фашизм преследует в этой войне и другие, стратегические, цели, но это лишь дополнительная сторона его империалистических планов. Борьба с коммунизмом здесь лишь идеологическая и, надо думать, сознательно-обманная оболочка, но это уже вполне готовая ложь, призванная повести широкие массы против врага, выступающего под знаменем борьбы с фашизмом ничуть не более искренне. Внешне все будет обстоять благополучно, и это будет войной «идеологий».

**

Тов. Дан, конечно, прав, указывая на раздвоение душ капиталистов демократических стран, раздираемых страхом перед воинствующим фашизмом за свои собственные империалистические интересы и боязливую содействовать его низвержению. Но и их уступкам перед фашизмом, как бы далеко они ни шли, есть предел. Мы ощутили этот предел, когда Франция пошла на военную демонстрацию перед африканским берегом Испании, с которого Гитлер хотел грозить ее колониальным интересам и сообщениям, хотя вся политика невмешательства в Испанию (играющая в руку Франко, победа которого грозит далеко идущим интересам Франции) и мотивировалась единственно интересами мира. Мы видим этот предел, когда Англия усиленно и настойчиво добивается перемирия, вывоза иностранцев и соглашения в момент, когда тот же Гитлер напрягает все усилия для захвата Бискайи, т. е. той железной руды, которая является жизненным нервом английских вооружений.

Причиной войны с коммунизмом не будет факт возглавления правительства Народного Фронта Леоном Блюмом, как причиной войны с фашизмом не будет существование того же правительства.

Причиной войны будет, как и в 14-ом году, нападение голландского империализма на сытый.

Если рабочий класс не требует мира «без победителей и побежденных», то потому, что он видит в фашизме своего самого опасного врага. Поэтому он так страстно желал разгрома Италии в ее разбойном набеге на Абиссинию, если не говорить о живущем в нем несколько наивном чувстве протеста против поправной справедливости. Но в испанской гражданской войне он хочет не только разгрома фашизма, он хочет и уничтожения капитализма. Он поддерживает в небывалом размахе солидарности прежде всего революцию. И если бы гражданская война окончилась только разгромом фашизма и восстановлением до-революционных буржуазных форм республики, весь международный рабочий класс был бы разочарован, чувствовал бы себя обманутым. «Тезисы четырех» были написаны после удупения австрийского и испанского восстаний, когда фашизм торжествовал, а рабочий класс повсюду отступал и когда никто не мог предвидеть сегодняшнего возрождения революции в Испании. Но сегодня обстановка изменилась и она меняет все диспозиции, все стратегические построения в рабочем движении и усиливает

шансы революционного решения вопроса о войне и мире. Мы видим единственную возможность предупредить или сорвать войну в революционной политике рабочего класса. Эта политика, если бы даже не смогла предотвратить войну, смогла бы все же в значительной мере нейтрализовать шовинистический угар войны и тем самым сделать рабочий класс более способным к революционному ее завершению. Но необходимым дополнением этой политики является разоблачение, уже сейчас, империалистической подоплеку того конфликта, который выступит под флагом борьбы фашизма и демократии.

**

Рабочее движение не должно упускать никаких козырей в борьбе со своим наиболее опасным врагом, — фашизмом, — в том числе и противоречий между империализмом фашистским и «демократическим», но оно не может и не должно попадать в плен буржуазных идеологов борьбы за демократию против фашизма. Опасность подхватывания этого лозунга тем более велика, чем больше буржуазия будет верить в свою собственную искренность. Сейчас, когда капитализм выходит из полосы экономического кризиса, начинает «нагуливать розовые щечки» и начинает вновь верить в свою силу и жизнеспособность, он теряет охоту уступать некоторые свои свободы и права фашизму и отворачивается от него (выборы в Голландии, Бельгии). Все это, конечно, лишь до следующего круга и до момента, когда рабочий класс станет уж слишком больно ему отдавливать мозоли, но, тем не менее, сейчас капитализм демократических стран становится защитником демократии, пусть авторитарной, и начинает говорить анти-фашистским языком. На эту удочку рабочий класс может тем легче попасться, что и социалистические партии говорят на том же языке.

Тов. Дан приветствует отживание бессильного пацифизма в социалистических партиях. Но мы не можем не видеть, чем они его заменяют. В Англии, Франции, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Чехословакии и Скандинавии, одним словом во всех демократических еще странах Европы, социалистические партии меняют свой пацифизм на «национальную оборону» ничем не отличную от социалдемократической защиты отечества в 14-ом году. Под флагом защиты демократического отечества от фашистского агрессора уже проводится цементовка «священного единения». Вся социально-консервативная политика этих партий, выдвигающих как основную цель защиту демократии, т. е. буржуазной демократии, может только готовить психологическую среду, благоприятную этому «священному единению».

Разоблачение империалистической подкладки грядущей войны, под какой-бы «идеологией» она ни выступала, только и может предохранить рабочее движение от скатывания к «священному единению» и, в тысячу раз более опасному теперь, «социал-патриотизму». Внушение рабочему классу, что только революция может предотвратить новую мировую войну, в которой все расходы, деньгами и кровью, понесет, главным образом, он, только и может помешать буржуазии использовать его для защиты своего или захвата чужого кошелька.

И только лишь пролетарская оборона может быть единственной действительной формой борьбы социализма с фашизмом, борьбы, действительно ведущей к военному его разгрому извне и революционному крушению изнутри.

И эта позиция будет «циммервальдизмом», возведенным на высшую ступень сегодняшней исторической обстановки, не переставая от того быть проникнутой смыслом, тоже возведенной на высшую ступень реальной действительности, былой позиции Маркса.

В. И.

**

Печатаемая выше дискуссионная статья т. В. И., на мой взгляд, не опровергает, а подтверждает то положение, которое я высказал в критикуемой им статье «Еще раз: социализм и война» («С. В.», № 9) и которое гласит, что лозунг предупреждения или обрывания войны пролетарской революцией имеет «принципиальную ценность, намечая направление социалистической работы в борьбе за мир и против войны», но «не дает практически-политического разрешения» действительно стоящего перед социализмом вопроса о том, «какую политическую позицию следует занять ему, как классово-сознательному авангарду пролетариата, в том случае, если рабочей революции в соответствующих странах не удастся предотвратить войну или оборвать ее в самом начале». В своей статье я говорил, что именно этот случай представляется в наличных условиях «наиболее вероятным». Развитие международных отношений за 6-7 недель, протекших со времени опубликования моей статьи, так обострило и приблизившее военную опасность, ход политического кризиса в Советском Союзе и связанные с ним новые зигзаги поли-

тики Коминтерна, уже нашедшие опасное отражение и в Испании, и во Франции, вряд-ли уменьшают вероятность именно такой перспективы в соотношении между войною и пролетарскою революцией и потому еще настоятельнее требуют от социализма «практически-политического» ответа на поставленный вопрос. Но именно такого ответа т. В. И. не дает и при своем подходе к проблеме вряд-ли и может дать.

Если такой ответ попытаться все-же вылущить из его статьи, то он сводился бы к повторению «циммервальдизма», т. е. **одинаково враждебного нейтралитета** пролетариата по отношению к **обеим** воюющим коалициям. А между тем тов. В. И. сам говорит, что рабочий класс «страстно желал разгрома Италии, напавшей на Абиссинию, и «хочет разгрома фашизма» в Испании. Но пассивно-созерцательное «желание» — не политика. Политикой оно становится лишь тогда, когда имеет действительный характер. И мы хорошо знаем, что и в абиссинском, и в испанском случае такой именно действительный характер имело и имеет «желание» пролетариата. Он не просто ждал и ждет разгрома фашизма в затеянной им войне, а хотел и хочет активно содействовать этому разгрому, хотя бы «военными» средствами. Иначе говоря: он, как я и подчеркнул в своей статье, и в абиссинской, и в испанской войне оказался «воюющей стороною».

Что такое, новое отношение пролетариата к войне таит в себе опасность вовлечения его на путь «священного единения», — это бесспорно, и борьбе с такою опасностью посвящена заключительная часть моей статьи. Точно так же бесспорно, что бороться за предотвращение этой опасности и за социалистически-революционный характер «участия» пролетариата в войне можно лишь, заранее вскрывая те «империалистические» интересы, которые, за фасадом борьбы «идеологий», будут определять собою военную политику капиталистической буржуазии **обоих** лагерей, и мне кажется, что критикуемые тов. В. И. «тезисы» с достаточною ясностью и определенностью говорят об этом. Только не надо забывать особого характера современного империализма, упадочного, как упадочен сам капитализм, — на что особенно указывают тезисы нашей ЗД, — как не надо забывать и того, что с самого начала войны и по мере ее хода мотивы социального самосохранения **мирового** капитализма будут все больше перекрывать «империалистические» мотивы отдельных **нацио-**

нальных отрядов капитализма и все более превращать войну в войну не между двумя «идеологиями» — фашистской и демократической — а между двумя социальными укладами — капитализмом и социализмом.

Но именно поэтому особенно важно, не забывая, конечно, того, в чем фашизм сходится с другими, отошедшими или отходящими в прошлое «идеологиями» капитализма, усиленно подчеркивать именно то, в чем он от них, как **последняя** защитная «идеология» капитализма, отличается; особенно важно помнить, что битву с **фашизирующимся** капитализмом **социалистическая** демократия (а другой в нашу эпоху, как я не устал доказывать, демократия быть уже не может) сможет выиграть лишь в том случае, если в мире и в войне выигрывает битву с фашизмом за те «средние классы», в первую голову крестьянство, без которых его победа немыслима, и что поэтому и в мире, и в войне пролетариат должен практиковать ту политику «Народного Фронта», которая есть не что иное, как исторически данная форма борьбы рабочего класса за «душу» мелкой буржуазии, за то, чтобы стать в ее глазах, в глазах **всех** трудящихся, «классом-освободителем».

В эпоху упадка и фашизирования капитализма для пролетариата есть по отношению к мелкой буржуазии, по отношению к не-пролетарским «трудящимся» и в мире, и в войне две тактики: или стать возглавителем и оформителем ее смутного отталкивания от фашизма и ее инстинктивных актов самообороны от него — с тем, чтобы направить ее назревающий «анти-капиталистический бунт» с фашистско-капиталистических рельс на рельсы пролетарско-социалистические; или же максималистски противопоставить свой «интегральный» социалистический революционаризм этому, в своих истоках крайне расплывчатому, непоследовательному и пронизанному противоречиями, но несомненно реальному «бунту». Первая тактика делает рабочий класс подлинным «классом-освободителем»; вторая осуждает его на изоляцию и — на поражение. Боюсь, что в основе интересной статьи тов. В. И., несмотря на все его оговорки, все-же лежит именно последнее, **догматически-революционное** представление о тактике пролетариата в эпоху крушения капитализма и развивающейся социальной революции.

Ф. Д.

В РАБОЧЕМ СОЦ. ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ИСПАНИЯ.

1) Встреча представителей РСИ и Коминтерна.

Обострение положения в Испании в начале июня заставило испанских социалистов, коммунистов и профессиональные союзы (УХТ) обратиться с общим воззванием к мировому пролетариату о помощи испанской революции. В связи с этим Коммунистический Интернационал снова обратился к секретариату РСИ с предложением об организации совместных действий. 8-го июня генеральный секретарь Коминтерна Димитров телеграфно попросил председателя РСИ тов. Де Брукера сделать свои контр-предложения, в случае если конкретные предложения, сделанные ранее Коминтерном, окажутся для него неприемлемыми, ибо основным является содержание, а не форма совместных действий. В качестве предварительного шага Димитров предложил совместное совещание представителей Коминтерна и РСИ по испанскому вопросу. На это последнее предложение т. Де Брукер ответил 10-го июня следующей телеграммой:

«Димитрову Коминтерн Москва. Вполне согласны с вами, что существенно только само дело, а не форма. Делом же является согласованная кампания в пользу Испании. Мы всегда готовы встретиться с вашими представителями для взаимной информации и для обмена мнений по поводу наилучшего пути для проведения этой кампании: она должна быть проведена совместно там, где это возможно, повсюду же без ненужных трений. Можем встретиться с вашими представителями в месте по вашему выбору, в Женеве или вблизи Женевы. Предупредите нас за 48 часов, условимся о времени».

21-го июня во французском городе Аннемасс, вблизи Женевы, состоялась встреча между представителями РСИ (Де Брукером и Адлером) и делегацией Коминтерна в лице Марселя Кашена, Чека (Испания), Далема (Германия) и Бонтэ (Италия).

Выработанное обеими сторонами официальное сообщение об этой встрече гласит:

«Собравшиеся обменялись, как было условлено, мнениями по поводу наилучшего пути для проведения кампании в пользу Испании. Причем эта кампания должна быть проведена

совместно там, где это возможно, во всяком же случае без излишних трений.

Это усилие сейчас необходимее, чем когда бы то ни было, принимая во внимание обращение рабочих организаций Испании, которые с таким замечательным мужеством ведут свою борьбу против объединенного мирового фашизма, защищая не только свою собственную свободу, но и свободу и мир всей Европы и всего мира.

Произведенный обмен мнений показал, что оба Интернационала проводят по отношению к Испании одну и ту же политику, которая заключается в том, что оба Интернационала одинаково требуют отмены блокады, восстановления нарушенного международного права и применения пакта Лиги Наций.

Оба Интернационала согласны в том, что желательна в ближайшем будущем новая встреча для более детального исследования конкретных методов материальной помощи Испании».

2) Совместное заседание Бюро РСИ и МФПС.

В дальнейшее развитие международной кампании в пользу испанской республики на 24 июня в Париже было созвано совместное заседание Бюро РСИ и Международной Федерации Профсоюзов. Заседание это состоялось под председательством Ситрина и Де Брукера и, после обсуждения создавшегося положения в Испании и во всей Европе, **единогласно** приняло резолюцию, которую читатели найдут в начале нынешнего номера.

ИСПОЛКОМ РСИ.

В связи с совместным заседанием Бюро РСИ и МФПС, о котором сказано выше, в Париже 25 и 26 июня состоялось заседание Исполкома РСИ. Основным пунктом порядка дня явился вопрос об отставке председателя РСИ тов. Де Брукера, секретаря Ф. Адлера и кассира Ван Розбука.

«Министерский кризис» в РСИ был вызван все теми же разногласиями, которые за последние годы неоднократно вызвали в рядах РСИ оживленную полемику, и в первую очередь расхождением по вопросу о совместных действиях с Коммунистическим Интернационалом. Как известно, по это-

му вопросу в свое время (на Брюссельском заседании Исполкома) было принято компромиссное решение, разрешающее председателю и секретарю РСИ встречаться по мере надобности, для информирования целей, с представителями Коминтерна. Последняя встреча т. т. Де Брукера и Адлера в Аннемассе с представителями Коминтерна (21 июня 1937 г., см. выше) вызвала, отчасти благодаря искаженной информации, проникшей из Москвы в буржуазную печать, неправильные представления в тех секциях РСИ, которые, как, напр., голландская, являются противниками совместных действий с Коминтерном. Некоторые влиятельные члены РСИ высказали в печати, правда, в предположительной и условной форме, свое неудовольствие по поводу того, что, — если верить телеграммам из Москвы, — аннемасская встреча вышла за пределы чисто информативного обмена мнений. С другой стороны, произошедшее 17 июня в Женеве совместное заседание представителей РСИ и профессионального Интернационала по вопросу о помощи Испании не удовлетворило т. Де Брукера, занимающего в вопросе об Испании совершенно определенную и резкую позицию. Все это вместе взятое создало у т. Де Брукера впечатление, что он не в состоянии больше представлять для внешнего мира РСИ как целое, и что он, вследствие этого, должен уступить место другому товарищу, более точно отражающему настроение большинства РСИ. Результатом явилось прошение об отставке, которое было немедленно поддержано, в свою очередь, секретарем РСИ Адлером и кассиром Ван-Розбруком.

После двухдневных дебатов, которые формально должны были касаться только отставки президиума РСИ, а на самом деле явились генеральными дебатами по основным проблемам пролетарской тактики в текущий момент, для большинства Исполкома выяснилось, что диапазон расхождения внутри РСИ скорее уменьшился, чем увеличился за последнее время, по сравнению с тем положением, которое было два года или год тому назад. Разногласия принципиального и тактического характера, разделяющие основные политические группировки внутри РСИ, конечно, не исчезли и не растворились в ходе политических событий. Но, по мнению многих ораторов, принимавших участие в прениях, расхождения эти в данный момент являются менее острыми и глубокими, чем прежде, и во всяком случае никак не могут в настоящее время оправдать того серьезного кризиса, который неизбежно был бы вызван в РСИ коллективной отставкой президиума. С другой стороны, представители всех партий РСИ, независимо от политического направления, выражали в своих речах свое полное и безоговорочное доверие и уважение к руководителям РСИ. В результате, при всеобщих аплодисментах, была единогласно принята следующая резолюция, предложенная наиболее влиятельными секциями левого крыла (испанская, французская) и правого крыла (скандинавы, голланды):

«Исполком РСИ, собравшийся 25 и 26 июня 1937 г. в Париже, заявляет, что не может принять отставки своего председателя Де Брукера, секретаря Адлера и кассира Ван Розбрука, не нанеся тяжкого ущерба всей деятельности Интернационала.

Принимая это постановление, Исполком этим выражает не только свое полное доверие и уважение к указанным трем товарищам, но и высказывает убеждение, что они лучше, чем кто бы то ни было, используют в своих сношениях со всеми другими международными организациями те полномочия, которые им были даны РСИ в интересах международного рабочего единства и своей активной пропаганды.

Благодаря этому в данный момент, столь критический для всех сил борющихся против фашистских замыслов, РСИ будет располагать наилучшими средствами для того, чтобы работать на пользу демократии и мира».

В ответ на эту резолюцию т. Де Брукер, а с ним тт. Адлер и Ван Розбрук заявили о том, что берут свою отставку обратно. Таким образом, «кризис» был благополучно разрешен и Исполком мог перейти к обсуждению текущих политических вопросов. Был заслушан доклад по поводу положения в Дании, где ситуация становится все более и более опасной, благодаря гитлеровскому террору и полному бездействию Лиги Наций в лице теперешнего Генерального Комиссара. Далее, на основании письменного доклада о положении евреев в Польше, представленного членом Исполкома ЦК-ом Бунда, была, после поправки Ярблума, единогласно принята следующая резолюция об еврейском вопросе в Польше, предложенная тт. Курским (Бунд) и Либерманом (ППС):

«Исполком РСИ протестует самым решительным образом против польского правительства, которое допускает и в своей прессе и даже цинично одобряет направленную против еврейского населения систематическую травлю, в частности — ужасающие погромы.

Совместно с органами откровенного фашизма правительственная пресса в Польше за последнее время выдвигает бессмысленный план эвакуации из Польши еврейского населения, обнимающего 3 с полов. миллиона душ, — с един-

ственной целью представить в сознании польских масс евреев как чужеземцев и тем легче направить против них всеобщее недовольство. Реакция не останавливается ни перед чем, чтобы задержать движение рабочего класса, все больше нарастающее в стране.

РСИ заявляет, что еврейское население Польши является равноправной частью всего населения страны и выражает свой протест против так называемого плача эвакуации евреев, за который ухватились польские ученики русского царизма для осуществления своих темных целей и который несет неисчислимы бедствия еврейским народным массам.

В то же самое время РСИ протестует против лживого утверждения польских властей, будто рабочие Польши, еврейские рабочие организации и в частности организованые в Бунде еврейские пролетарии являются врагами польского государства. Историческая заслуга рабочего класса Польши, в том числе и еврейского рабочего класса, в деле завоевания независимости и свободы Польши не может быть вычеркнута из истории наемниками польского фашизма.

Исполком РСИ с удовлетворением принимает к сведению демонстрацию солидарности ППС, Бунда, немецкой Социалистической Партии Польши, равно как и классовых профсоюзов, и приветствует рабочий класс Польши в его борьбе против общего врага».

Наконец, в связи с газетными слухами о кампании, проводимой в Соед. Штатах бельгийским министром Ван Зезландом, Исполком принял следующую резолюцию:

«Согласно некоторым сведениям, бельгийский министр Ван Зезланд, который по инициативе английского и французского правительств изучает сейчас возможности международного экономического сотрудничества, в своих переговорах с правительством Соед. Штатов предложил будто бы дать Германии и Италии крупные займы под условием, что эти государства обязуются вести более либеральную торговую политику и сократить свои военные расходы.

Если бы подтвердилось, что такой план действительно существует, то Исполком РСИ считал бы своим долгом протестовать против него самым решительным образом. При наличии все возрастающих финансовых и экономических затруднений, которые вызываются политической бесперспективностью политики Гитлера и Муссолини, оказанная этим диктаторам финансовая поддержка послужила бы лишь для спасения их террористических и воиствующих режимов. Исполком РСИ предостерегает демократические правительства против политики, которая не только не пришла бы к обеспечению мира путем последовательной и решительной политики коллективной безопасности, но, наоборот, дала бы фашистской и гитлеровской диктатурам ту передышку, которая им нужна для того, чтобы еще с большей силой продолжать свою политику подготовки войны».

P. A.

ОТВЕТ ТОВА. ДЕ БРУКЕРА Г. ДИМИТРОВУ.

Письмо Де Брукера Морису Торрезу.

Дорогой товарищ!

Вы переслали мне оригинал телеграммы, посланной Импрекором в редакцию «Оманитэ» и напечатанную в этой газете сегодня. Из этой телеграммы видно, что Димитров поручил Вам передать этот текст представителям МФПС и РСИ. Я ни в какой степени не уполномочен говорить от имени МФПС, но в качестве председателя РСИ и в полном согласии с тов. Адлером я хочу Вам сообщить свое мнение.

Я напоминаю Вам, что наш Интернационал с максимальной ясностью высказался по всем трем пунктам, которые перечисляются в Вашей телеграмме. Интернационал требует немедленного отзыва фашистских войск, наводнивших Испанию. Он требует применения пакта Лиги Наций и возврата к принципам международного права. Он организует повсюду пропаганду, направленную к тому, чтобы мобилизовать общественное мнение в пользу такой международной политики, которая прежде всего осуществила бы указанные выше требования. Наконец, в прошлый четверг, 24-го июня, он сформулировал, в единении с МФПС, свое полное согласие с требованиями, выставленными социалистами и профессионалистами Испании, и призвал все свои организации и секции, равно как и всех своих членов, поставить все свои силы и все свои средства действия на службу указанной политике.

Таким образом, РСИ во всех существенных частях выполнил все то, чего Вы требуете в своей телеграмме. Но он сделал это по своему собственному почину и за своей собственной ответственностью. Он будет продолжать свои усилия и постарается довести их до максимума. И мы с удовлетворением констатируем, что по всем указанным пунктам кампания Коммунистического Интернационала совершенно точно параллельна нашей.

Мы с Адлером сформулировали в Аннемассе определенную политику, которую мы собираемся проводить: эта политика кампании в пользу Испании, «проводимая сообща там, где это возможно и во всяком случае без излишних трений».

Эта политика казалась нам многообещающей, и мы исходили из того, что необходимо изучить все ее возможности. Но прежде чем эта трудная задача, которая требует столько терпения и настойчивости, могла быть начата, телеграмма Димитрова предлагает заменить ее другой, совершенно отличной, а именно — изданием совместных воззваний, которые естественно связали бы каждую из наших секций. Между тем, мы с Адлером неоднократно имели случай объяснять делегатам Коминтерна, почему мы не в состоянии принять подобного рода предложение.

Мы готовы продолжать в каждый подходящий момент, избранный с общего согласия, дело Аннемасса, но только на почве, созданной в Аннемассе.

Вы понимаете, что нам важно знать, в силе ли еще достигнутое между делегатами Вашего Интернационала и нами соглашение, для того, чтобы мы могли его выполнять.

С наилучшим приветом,

Л. Де Брукер.

Париж, 28 июня.

ПО РОССИИ

МОСКВА *).

Вы сами понимаете, насколько события последних недель затруднили сношения с вами. Еще труднее стало добывать сколько-нибудь достоверную информацию. Слухами полна земля. Но у всех, кто имеет возможность хоть мельком заглянуть за кремлевские кулисы и дать хоть какой-нибудь комментарий к тем сенсациям, которые изо дня в день подвостит нам печать, плотно сомкнулись уста: животный страх обуял всех, никто никому не доверяет.

Удалось кое-что узнать — и, кажется, из источника, достаточно осведомленного, — о судьбе **Бухарина** и **Рыкова**. Они будто бы решительно отказались «сознаваться». Поэтому от постановки гласного процесса пришлось отказаться. Но суд за закрытыми дверями будто бы уже состоялся в начале апреля, и результатом его был приговор на 8 лет заключения в политизоляторе. А между тем оба большевистских лидера были подвергнуты настойчивой обработке с целью заставить их «сознаться». В этой обработке деятельное участие принимал будто бы **Радек**, вообще играющий довольно подозрительную роль во всех арестах, «разоблачениях» и подготавливаемых процессах. Радек не только «разоблачал» Бухарина и Рыкова, не только уговаривал их принести «жертву чистосердечного признания», необходимую де в интересах страны и партии, но пытался «соблазнить» их и собственным примером, уверяя, что, сознавшись, они могут рассчитывать на самую широкую «милость». Сам Радек поселен будто бы в имени в Центральной России, в прекрасном доме, окруженном обширным парком; ему доставлена вся его библиотека, и он имеет полную возможность работать. Словом, живет, как помещик доброго старого времени, сосланный в «свою деревню» без права отлучаться из нее.

Дикие слухи ходят о **Гамарнике**. Говорят, будто он был подвергнут домашнему аресту уже довольно давно, но во время одного из допросов убит. В Московский комитет его якобы выбрали уже после смерти именно затем, чтобы скрыть факт убийства. Проверить эти слухи невозможно. Они дают во всяком случае представление о той атмосфере, которая царит и которая налагает печать достоверности на самые невероятные сообщения. Упорно утверждают, что обширные аресты идут в верхах Красной Армии и по линии Наркоминдела; называют имена Карахана, Розенберга, Крестинского и др. Куда делся адъютант Тухачевского Смутный, и какова судьба самого Тухачевского, неизвестно. Перемещение Тухачевского на Волгу приводят в связь с убийством Гамарника: последний был будто бы убит в тот самый день, когда появился приказ о переводе Тухачевского.

2 июня.

Х.

*) Получено с значительным запозданием. — Ред.

НА КОММУНИСТИЧЕСКИХ СЪЕЗДАХ И КОНФЕРЕНЦИЯХ.

Если есть в Советском Союзе люди, принимающие всерьез ежедневные сообщения о разоблачении все новых и новых троцкистско-фашистских агентов, им, вероятно, уже не раз приходила в голову чудовищная мысль: а не происходит ли таким необычайным путем завоевание Советского Союза фашистскими державами? Картина ведь получается действительно жуткая: оказывается, агенты и шпионы враждебных Советскому Союзу иностранных государств проникают — в качестве **руководящих** работников — не только в бесчисленные промышленные предприятия и хозяйственные и административные органы, в редакции журналов и газет (до «Известий ЦИК'а» включительно), в университеты, научно-исследовательские институты и академии наук, в ГПУ и армию, но и в Советы Народных Комиссаров и Президиумы ЦИК'ов и даже — страшно вымолвить — в ЦК компартий и их политбюро. И после этого находятся несчастные писатели, которые — по поводу разоблачения очередной группы сановных шпионов — пишут в самых влиятельных советских органах печати о «**кризисе буржуазной разведки**». Кризис?! Да ведь о таком **триумфе** ни одна разведка мира даже и мечтать никогда не смела.

Итак, Советский Союз насквозь пронизан шпионами и диверсантами. Это не только доказано усилиями Ежова и Вышинского, но уже и «теоретически» обосновано гениальным вождем и отцом народов: социалистическая страна в обстановке капиталистического окружения чрезвычайно стимулирует деятельность буржуазных шпионских органов, которые усиленно «засылают» в Советский Союз своих агентов и активизируют остатки разбитых революцией общественных классов. Это и есть «учение Сталина о классовой борьбе в период построения социалистического общества».

Вы сомневаетесь, читатель? Вас тревожит еретическая мысль, что, может быть, это невиданное распространение шпионства плод чьего-то болезненного воображения или — еще хуже, — что сообщения о проникновении повсюду шпионов сознательная ложь, что за этими обвинениями скрывается что-то другое? Берегитесь, читатель. Уже самая эта мысль свидетельствует о том, что и вас — может быть, незаметно для вас самих — уже коснулось тлетворное влияние троцкистско-германско-японской агентуры.

Но — перейдем к фактам.

Если бы захотеть собрать и хотя бы вкратце изложить все сообщения о шпионах, вредителях, диверсантах, которые появились за последние месяцы в советской печати, пришлось бы написать, может быть, большой том. Задача настоящего обзора, конечно, гораздо скромнее. С середины мая по всей стране происходят городские, областные и краевые конференции компартий, кое-где уже завершившиеся республиканскими партийными съездами. Повсюду вопросу о борьбе с засильем троцкистско-фашистских шпионов и диверсантов уделяется усиленное внимание. Попытаемся — по «Правде» — подвести суммарные итоги проделанной на этих конференциях и съездах разоблачительной работе.

Наиболее убедительный характер носят данные о тех республиках, где уже проведены республиканские партийные съезды, на которых как бы подведены итоги для всей территории республики. На съезде компартии **Украины** секретарь ЦК КПУ Косиор горько жаловался на «серьезное засорение партийного аппарата врагами»; «особенно засоренной оказалась **киевская** партийная организация и ее обком»; но «этой или иной степени оказались засоренными врагами и **харьковская, одесская, донецкая** и др. организации». И это не только в партийном аппарате: враги «сидели на многих предприятиях и занимались диверсиями, шпионажем, творили свою подлую вредительскую работу». Особенно тревожит Косиора состояние «идеологического фронта», среди работников которого тоже оказалось немало врагов. «Тов. Косиор обращает внимание съезда, что проверка партийных документов не была использована для выкорчевания из рядов укра-

инской парторганизации врагов. Во время проверки было исключено значительное количество троцкистов, националистов. Но не меньшее количество врагов пришлось исключить уже после проверки и обмена партийных документов» («Правда» от 29-го мая). Если принять во внимание, что при проверке партийных документов отсеивались десятками тысяч, нетрудно отдать себе отчет в масштабах новейшей разоблачительной - очистительной операции. И операция эта еще далеко не закончена, да, в сущности, и не может никогда быть закончена. Достаточно напомнить, что на съезде не было еще названо имя разоблаченного несколько позже многолетнего командующего войсками Киевского военного округа, члена ЦК КПУ и его политбюро (кстати, и члена ЦК ВКП) Якира.

Происходивший несколько позже съезд компартии Белоруссии уже поднялся на более высокую степень. Секретаря ЦК КПБ Гикало убрали еще задолго до съезда (за отсутствие бдительности), но все же — как и Постышева в Киеве — попали и послали секретарем обкома в Харьков. Основной доклад на съезде делал уже новый секретарь ЦК Шарангович, сосредоточивший внимание съезда на чрезвычайном засорении центрального партийного и советского аппарата Белоруссии. «Злейшие враги советского народа Бенек, Дьяков, Уборевич, Арабей сумели пробраться даже в ЦК КПБ и в его бюро» («Правда» от 15-го июня). Судьба бывшего командующего войсками Белорусского военного округа Уборевича (кстати, не только члена ЦК и политбюро ЦК КПБ, но и кандидата в члены ЦК ВКП) известна. Наркомзем Бенек и члены политбюро КПБ Дьяков и Арабей, вероятно, уже разделили его участь. «Выступавшие на съезде подвергли резкой критике работу Совнаркома БССР и ЦИК БССР» и особенно останавливались на «многих фактах» из «правооппортунистической практики бывшего (!) председателя Совнаркома Белоруссии Голодеда» («Правда» от 16-го июня). Словом, и многолетний председатель Совнаркома БССР отошел в политическое небытие, а, может быть, уже и арестован. Председатель ЦИК БССР сделал из всего этого становящийся стандартным вывод: «Председатель ЦИК БССР А. Г. Червяков 16 июня покончил жизнь самоубийством на личной семейной почве» («Правда» от 17-го июня). Этими тремя скучными строчками в отделе хроники «Правда» проводила в могилу президента Белорусской республики, кстати одновременно состоявшего и одним из семи председателей ЦИК СССР. В сущности, иностранные дипломаты должны были выразить соболезнование советскому правительству по поводу смерти одного из президентов Советского Союза. Но, конечно, никто из них этого не сделал, чтобы не ставить в трудное положение Литвинова.

Отчеты московских газет о съезде КП Грузии были чрезвычайно скучны. Но секретарь ЦК КП Грузии Берия посвятил в «Правде» (от 5-го июня) большую статью «итоги X-го съезда большевиков Грузии». Из этой статьи мы узнаем, что в Грузии «был раскрыт троцкистский шпионско-вредительский террористический центр, куда входили Б. Мдиваки, М. Торшелидзе, М. Окуджава, С. Кавтарадзе, Н. Кикнадзе и другие». В свое время в «Социалистическом Вестнике» (в № 5 за текущий год) было помещено сообщение нашего московского корреспондента об обстоятельствах смерти Орджоникидзе. Орджоникидзе внезапно скончался непосредственно после бурного заседания политбюро ЦК ВКП, в котором обсуждался вопрос о судьбе вождей старшего поколения грузинских большевиков; в корреспонденции были названы первые 4 из перечисленных выше 5 имен. Заступничество и смерть Орджоникидзе не могли уже их спасти.

На съезде КП Азербейджана атмосфера оказалась еще более сгущенной: здесь хоронили уже не давнишних, а вчерашних вождей. Секретарь ЦК КП Азербейджана Багиров чрезвычайно решительно говорил о «ряде японо-германских, троцкистско-мусаветистских агентов, организаторов контр-революционной работы в Баку и Азербейджане», которые «пробрались в наши парторганизации и долгое время занимали

ответственные посты в аппарате ЦК и в Бакинском комитете» («Правда» от 9-го июня). Особенно неблагоприятно и здесь на «идеологическом фронте»: «В области литературы и искусства вредили злейшие враги народа». Багиров перечислил при этом ряд имен, которые ничего не говорят нашим читателям. Но среди них стоит отметить имя Рухуллы Ахундова, о котором еще только стоит накануне упоминалось в «Правде», как о человеке, в течение долгого периода времени «возглавлявшем Азербейджанский филиал Академии наук» и руководившем комитетом по делам искусства и союзом писателей.

На съездах компартий только что образованных новых союзных республик — Казахстана и Киргизии та же картина лишь в более тусклых тонах. В Киргизии исполняющий обязанности секретаря обкома Аммосов очень убедительно говорил об «антибольшевистском поведении» бывшего секретаря обкома Белоцкого. «Потребовалось вмешательство ЦК ВКП, чтобы раз и навсегда (?) покончить с творившейся в обкоме расхлябанностью. Местные работники — председатель Совнаркома Исакиев, председатель ЦИК Уразбеков, второй секретарь обкома Джеенбаев, зав. школьным отделом Дмужабаев — оказались слепыми и близорукими и не видели настоящего лица Белоцкого» («Правда» от 11-го июня). В Казахстане «уже после обмена партдокументов немало разоблачено троцкистско - зиновьевско - бухаринских бандитов» («Правда» от 7-го июня). Словом, троцкистско-фашистская агентура проникла даже в далекий, живущий еще в значительной мере в условиях кочевого быта Казахстан, и лишь в еще более отсталой Киргизии обвинение в фашистской агентуре заменено пока обвинением в «анти-большевистском поведении».

По РСФСР республиканских съездов компартии, как известно, не бывает. Их заменяют областные и краевые конференции. О большинстве их уже опубликованы отчеты, и во всех отчетах — жалобы на происки троцкистско-бухаринско-фашистских агентов. На Московской областной конференции секретарь обкома Хрущев (см. «Правду» от 7-го июня) всячески грозился «беспощадно раздавить банду предателей и изменников, стереть с лица земли всю троцкистско-правую пададь», но должен был признать, что «право-левацкие уроды» проникли всюду: «сидели эти подлые изменники и в партийном аппарате, некоторые из них были членами и кандидатами Московского комитета». «Троцкистский выродок» Гамарник (кстати, член ЦК и оргбюро ЦК ВКП) еще за два дня до своего самоубийства был избран в Московский горком, и передовица «Правды» в самый день самоубийства Гамарника с гордостью говорила как раз по поводу этих выборов о «тщательной проверке каждой выдвинутой кандидатуры», об «организованном и продуманном» характере выборов и высказывала уверенность, что избранные «оправдают оказанное им высокое доверие». Та же картина глубокого проникновения троцкистско-бухаринско-фашистских агентов в поры партийного и советского аппарата вырисовалась и на Ленинградской областной конференции: «беспечность и ротозейство, проявленные во многих партийных организациях Ленинграда и области, позволили троцкистско - зиновьевским и бухаринским двурушникам и бандитам в течение длительного времени безнаказанно проводить их гнусную подрывную работу» («Правда» от 17-го июня). О чрезвычайной распространности троцкистско - фашистской агентуры сведения поступают буквально отовсюду:

Западно-Сибирская краевая конференция:

«Троцкистско-бухаринские агенты фашизма в течение нескольких лет орудовали на важнейших участках социалистического строительства, нанося хозяйству края большой урон». «Враги народа проникли в аппарат крайисполкома, некоторые из них разоблачены буквально накануне конференции». «Во время проверки и обмена партдокументов в крае было разоблачено и изгнано из партии немало троцкистско-зиновьевских и правых контр-революционеров. Но оказывается, что после проверки и обмена мы вскрыли и выгнали из партии

еще большее количество заклятых врагов народа». Словом, точь-в-точь, как на Украине (см. выше). Но «враги разоблачены еще не все» («Правда» от 8-го и 10-го июня).

Азовско-Черноморская краевая конференция:

«Враги проникли в руководство самого крайкома» («Правда» от 17-го июня). «В самом крайкоме партии сидели глубоко заколупировавшиеся враги, оказавшиеся вожаками всех остальных врагов и использовавшие партийный аппарат для насаждения врагов во всех звеньях партийного, советского и хозяйственного аппарата. Даже после того, как часть врагов была разоблачена, их вожаки — бывш. секретарь крайкома Малинов и заведующий отделом руководящих партийных органов крайкома Березин сумели остаться в тени на протяжении еще более 6 месяцев» («Правда» от 4 июня).

Челябинская областная конференция:

Разоблачены в качестве троцкистско-японо-немецких агентов председатель облисполкома Советников, начальник областного земуправления Серебрянников и др. («Правда» от 11-го июня).

Орджоникидзевская краевая конференция:

В числе «троцкистско-правых шпионов и бандитов» названы председатель краевого исполкома Пивоваров, заместитель председ. крайисполкома Хасиев и др. («Правда» от 15 июня).

И т. д., и т. д. Куйбышевская, Ярославская, Челябинская, Ивановская, Татарская, Сталинградская областные конференции — список этот можно продолжить вплоть до перечисления всех краев и областей Советского Союза. Всюду идет жестокая борьба с тысячеголовой гидрой троцкистско-фашистской агентуры. Останавливаться на всех этих фактах в рамках настоящего обзора нет возможности. Упомяну лишь еще о двух областных конференциях, обнаруживающих растущее неблагополучие в области «ленинско-сталинской национальной политики». На областной партийной конференции Калмыцкой АССР «бывш. секретарь обкома, ныне председатель Совнаркома Калмыцкой АССР А. Пюрбеев» (уже без «тов.»!) оказался повинным в «покровительстве людям, разоблаченным ныне, как предатели и изменники» («Правда» от 3-го июня). На областной партийной конференции Марийской республики положение оказалось и того хуже: «Группа врагов народа — буржуазных националистов, троцкистских последышей вела свою подлую контр-революционную работу на нескольких важнейших участках хозяйственного и культурного строительства Марийской республики»; «широкое покровительство» оказывал им председатель исполкома Марийской республики Петров, лишь накануне конференции исключенный из партии и снятый с работы («Правда» от 5-го июня)*).

Во всех этих обвинениях всюду сознательно сваливаются в одну троцкистско-бухаринскую шпионско-диверсионную кучу и элементы придушенного, но очень широко распространенного политического, социального и национального недовольства и элементы бюрократического перерождения и коррупции, глубоко разедающих почти повсеместно верхи партийного и советского аппарата сталинской диктатуры. Сейчас, в условиях подготовки «демократических» выборов приходится выбрасывать за борт наиболее скомпрометированных в глазах населения местных сатрапов и сатраповки. И, конечно, все эти подлинные выкорыши сталинской диктатуры сейчас зачисляются по троцкистско-бухаринскому ведомству. Как это происходит, можно наглядно показать на примере Орджоникидзевского края.

*) Поход против руководящих деятелей национальных республик и областей еще далеко не закончен. У нас еще нет номеров «Правды» с итогами съезда компартии Узбекистана; но московские телеграммы Гаваса сообщают о полном разгроме советской верхушки Узбекистана. В частности перешел в состояние политического небытия Файзулла Ходжаев, председатель СНК Узбекской ССР. Таким образом еще один глава правительства союзной республики сходит со сцены в связи с походом против троцкистско-правых шпионов и их пособников. А еще через день московская телеграмма сообщила о падении председателя Совнаркома Грузии Магаловили.

31-го мая в «Правде» появилось сообщение об аресте председателя Орджоникидзевского краевого исполкома Пивовара и секретаря крайисполкома Гарновского. Это, судя по обстоятельной корреспонденции «Правды», типичное дело о коррупции и растратах. «За 1936 год и первый квартал текущего года Пивоваров истратил на свои личные нужды из средств бюджета 50 тысяч рублей. Его сообщник Гарновский получил деньгами 2.700 рублей, продуктами на 10.300 рубл. и 5 бесплатных путевок в санатории стоимостью в 4.300 рублей... Пивоваров и Гарновский делали все, чтобы опутать сетью подачек и услуг ответственных работников края и их близких. В Москву приезжали жены ответственных работников края, приобретали туалеты, а счета посылались Гарновскому, котсрый их оплачивал из краевого бюджета. О какой-либо связи Пивоварова и Гарновского с троцкистами, бухаринцами, фашистскими агентами в обширной корреспонденции ни слова. Словом, это явно дело о коррупции политически безупречных и верных сталинцев. Но вот вскоре собирается Орджоникидзевская краевая конференция, и здесь Пивоваров и Гарновский оказываются уже «троцкистско-правыми шпионами и бандитами» («Правда» от 15-го июня). Не может быть сомнения, что когда соберется следующая областная конференция Крымской АССР, то и на ней только что разоблаченные в качестве взяточников и просто воров Наркомсобес Крымской АССР Зяточникова, ее заместитель Манинов, старший бухгалтер Наркомсобеса Панкратьев и др. («Правда» от 20 июня) окажутся троцкистско-бухаринскими фашистскими агентами, которые и воровали-то с политической целью.

Так верные сталинцы даже в качестве воров и взяточников служат делу сталинской диктатуры. С. Ш.

ИЗ ПАРТИИ

С. Поляков

16-го июня в Париже в возрасте 53 лет скоропостижно скончался тов. Соломон (Давид) Поляков. Покойный принадлежал к числу старейших и преданнейших деятелей русского Бунда и РСДРП. Начав свою революционную деятельность примерно в 1900 г. в среде евр. рабочих в г. Риге, Поляков вскоре стал «профессиональным революционером» в рядах Бунда, в частности, много работал на Юге, как организатор и оратор, выделяясь своим темпераментом и энергией. В завязавшей работе среди еврейских рабочих, иммигрантов из 1907 г. Поляков выехал за границу и поселился в Париже, где России и Польши. Тут он сыграл роль пионера в деле создания проф. движения среди евр. рабочих, был секретарем ряда союзов и т. д. Когда вспыхнула мировая война, Поляков примкнул к «оборонцам» и вступил в 1914 г. добровольцем во французскую армию; получил знаки военного отличия и был ранен. По окончании войны Поляков, оставшийся верным идеям социалдемократии, всецело отдался политической и культурной работе среди евр. рабочих Парижа. Не взирая на свои тактические и принципиальные суждения далеко влево польским Бундом, Поляков, отличавшийся широтой взглядов и терпимостью, сумел на практической работе сохранить контакт с парижскими бундовцами, и многократно избирался председателем Союза Медема и др. бундовских организаций. Одновременно он активно работал во франц. соц. партии и был членом с.-д. клуба им. Мартова.

На погребении тов. Полякова, состоявшемся при большом стечении народа, с речами выступили Я. М. Пескоп, от Франц. Соц. Партии, Р. Рыба от Бунда, Р. Гинцберг от Арб.-Ринга и С. Шварц от З. Д. РСДРП и Клуба им. Мартова.

Память о тов. Полякове, преданном товарище и верном друге РСДРП, не умрет в рядах нашей партии.

Когда номер был уже сверстан, прибыла печальная весть о смерти тов. Макса Адлера, одного из виднейших теоретиков международного социализма и известного деятеля австр. соц. дем. Некролог о нем будет помещен в след. номере.

От редакции. — Следующий, двойной номер «Социалистического Вестника» выйдет 10-го августа.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 24/4.

Отослано: № № 14, 15.